

Часть IV

Вспомогательные указатели

Аннотированный указатель основных работ А.Ф. Лосева

В данный раздел Указателя включены монографии и сборники трудов Лосева. Цифра после наименования указывает порядковый номер работы в I части Списка, в скобках приводится год издания данной работы. Курсивом внутри текстов аннотаций выделены названия работ, аннотированное описание которых можно найти в данном разделе Указателя. Фамилии авторов аннотаций указываются сокращенно в конце каждого текста: К. – Кудрин В.Б., Т.-Г. – Тахо-Годи Е.А., Т. – Троицкий В.П., Ш. – Шамшуринов А.В., Э. – Эдельштейн М.Ю.

Алексей Фёдорович Лосев: Из творческого наследия. Современники о мыслителе (2007) I. – 845

Книга-антология серии «Русский мир в лицах» объединила избранное из творческого наследия Лосева (первая часть) и многочисленные отзывы современников о мыслителе (вторая часть). В состав сборника включены преимущественно небольшие работы, позволяющие представить весь творческий путь Лосева начиная с гимназической заметки «Тип моей памяти» (1909) до «Слова о Кирилле и Мефодии» (1988), продиктованного за два дня до кончины, и в своей совокупности хорошо показывающие глубину и широту его научных и художественных интересов. Здесь собраны труды богословского характера, исследования в области эстетики, филологии, философии музыки, истории философии (отечественной и западноевропейской), философии языка, философии математики, психологии. Художественное творчество автора представлено повестью «Жизнь» (отрывок) и рядом стихотворений, мастерство Лосева-писателя демонстрируют также емкие и точные «философские портреты», извлеченные составителями из многотомной «Истории античной эстетики». Многочисленные биографические материалы (дневники, письма) позволяют читателю заглянуть во внутренний мир мыслителя и увидеть его жизнь на фоне драматических событий истории XX века. Во второй части сосредоточены (в отрывках) отзывы аналитического характера, принадлежащие представителям русской эмиграции и иностранным исследователям («Голоса Зарубежья»), образцы советской «проработки» трудов Лосева

в 1930-е годы, ряд воспоминаний о философе и материалы современных отечественных исследователей («Голоса России»), представлены также избранные письма к Лосеву и А.А. Тахо-Годи («Письма на Арбат») и подборка стихотворений, посвященных Лосеву («Венок мыслителю»). Издание снабжено обширным научно-справочным аппаратом, множеством иллюстраций, сведениями о родословной Лосева. Имеется «Краткая летопись жизни и творчества А.Ф. Лосева». — *Т.*

Античная мифология в ее историческом развитии (1957) I. — 29

Книга, вышедшая одной из первых после десятилетий негласного запрета на публикации, состоит из «Введения» и двух основных разделов: «Критский Зевс» и «Аполлон». Здесь Лосев исследует мифологические образы, начиная с их древнейших проявлений, переходя к развернутой и классической форме античного мифа и заканчивая его закатом и гибелью. Основным принципом исследования становится рассмотрение мифологии как вечно становящегося человеческого мышления; мифология оказывается формой освоения мира человеком. Во «Введении» ученый формулирует необходимые исторические предпосылки для возникновения мифологии и проводит обзор основных периодов мифологического развития, а также выдвигает несколько общих положений, которыми следует руководствоваться при исследовании вопросов античной мифологии. Первый раздел книги посвящен изучению проблем, связанных с одним из двух наиболее значительных мифологических образов, а именно — с Критским Зевсом. Здесь автор приходит к выводу о том, что роль Крита в истории мифологического развития заключается в разрушении тысячелетней матриархальной мифологии с постепенной заменой ее мифологией патриархата и раннего рабовладения. Однако полного развития такая мифология достигла лишь в период Олимпийской мифологии.

Во втором разделе исследуется одна из самых трудных проблем классической филологии — античный Аполлон. Здесь прослеживается тысячелетнее развитие мифа об Аполлоне, куда автор включает все фетишистские и анимистические представления о нем, выделяет героическую и классическую стадии развития мифа, а также период высокой классики и эллинизма. Далее автор демонстрирует, как миф об Аполлоне представлен в греческой и римской литературе. Книга снабжена «Литературно-критическим приложением», где автор указывает известные общие изложения античной мифологии; проясняет соотношение мифологии и мышления; дает собственную периодизацию античной мифологии; указывает роль и место преанимизма в своем теоретическом рассмотрении античной мифологии; приводит некоторые соображения относительно распространения Олимпийской мифологии еще в середине II тысячелетия до н.э. Дается также критика источников античной мифологии с точки зрения той теории, которую философ развивает во вводной части настоящей работы. В конце тома приведен список использованных источников и их сокращенных обозначений. — *III.*

Античная мифология с античными комментариями к ней.**Энциклопедия олимпийских богов (2005) I. — 782**

Книга состоит из двух больших разделов: «Теология и космогония» и «Олимпийские боги и их окружение». Это уникальное по полноте охвата издание создавалось в 30-е годы XX века, но в силу ряда обстоятельств, которые изложены в статье А.А. Тахо-Годи «“Античная мифология” А.Ф. Лосева», открывающей настоящий том, смогло увидеть свет лишь в начале века XXI. В этой же статье проясняются основные положения труда Лосева, раскрывается понятие мифологии, показывается, что мифология пронизывала всю греческую мысль, в том числе и философскую, хотя последняя и родилась из критики мифа. Первый раздел начинается с общего обзора античных теокосмогонических мифов; выделяется несколько истоков происхождения всего сущего. Далее следует детальное рассмотрение отдельных источников античной мифологии. Здесь показано, что у Гомера и в эпосе мирообразующим началом выступает Океан. У Гесиода таковым является Хаос. Своеобразный переход от «составителей родословной богов» к орфикам представляют собой теогонисты VI в. (Акусилаи, Эпименид и Ферекид). Далее автор прослеживает историю орфической теологии, делит ее на древнейшие тексты, «теогонию Иеронима и Гелланика» и «рапсодическую» теогонию. Исследователь выделяет специфические римские черты в тео-космогонических построениях, каковыми являются: упорядочивание бесформенной первозданной массы внешней к ней целесообразно направленной волей; идея двуликого бога начал — Януса, лежащая в глубине первозданного Хаоса. Завершает первую часть описание трех легендарных (Орфей, Лин и Фамирид) и двух исторических (Иоанн Цец и Аполлодор) теогонистов. Во второй части первого раздела выделяются: первая и наиболее абстрактная степень тео-космогонического процесса (Хаос); нечто не столь пустое, но совсем не расчлененное (Тьма); неиссякаемая бездна становления (Время); частичное оформление бесформенных стихий в такое мифологическое образование, как Мировое яйцо; Титаны, как символ охвата в единораздельном акте мысли и воли необузданной мощи всемирных зачатий и порождений; Зевс — как реальное творчество бытия; самоутверждение Зевса, как воплощение демиургического принципа. В заключение раздела автор формулирует три идеи, без которых немислима античная мифология: бесформенная бездна и Хаос управляют всеми теокосмогоническими процессами; жизненная кипучесть Хаоса; антитеза Хаоса и Космоса (олимпийские боги — венец теогонического процесса в античной мифологии). Во введении ко второму разделу Лосев ставит задачу исследовать все исторические наслоения в такой проблеме, как олимпийские боги, и выделяет четыре периода олимпийской мифологии: До-Фессалийский; Фессалийский; период Эолийской колонизации; Ионийский и Позднее-Ионийский периоды. Ученый проводит приблизительную классификацию олимпийских божеств, руководствуясь общеантичным учением о форме и материи и о соединении формы и материи в цельную вещь. Далее следует детальное исследование каждого из несомненных олимпийских божеств (Зевса и Геры; Аполлона; Артемиды; Гефеста; Афины Паллады; Ареса; Афродиты).

ты; Гестии; Гермеса и Деметры). Автор выделяет основную универсальную антитезу и синтез космически оформляющего мужского и космически оформляемого женского начал (то, что в философии в дальнейшем понимается как единство формы и материи) — это Зевс и Гера. Ученый продолжает изучение олимпийских божеств, руководствуясь принципом формы и материи: одни боги по преимуществу оформляют (напр., Аполлон, Гефест, Арес); другие — пассивны и выполняют чужую волю (Гестия, Деметра, Гермес); третьи совмещают оба начала (Артемида, Афина и Афродита). Книга содержит комментарии и приложения, где приводятся уточняющие ссылки, таблицы, указатель использованных источников и переводов, библиография. — III.

Античная музыкальная эстетика (1960) I. — 36

Книга открывается исследованием «Античная музыкальная эстетика», принадлежащим Лосеву. Сам автор назвал это исследование «вступительным очерком», хотя оно гораздо шире, чем очерк: в нем подробно раскрывается сущность не только музыкальной эстетики, но и музыкальной теории древних греков, начиная от их мифологической основы и древнего пифагорейства и заканчивая эстетическим значением основных музыкальных категорий. По мысли Лосева, древние греки придавали музыке исключительное значение, приписывая ей воспитательные, магические и даже врачебные функции. Значение слова *musica* отличалось у них от его современного значения. Термин этот означал «мусические искусства», «искусства муз», то есть все искусства, которые служат воспитанию души — в противоположность гимнастике, целью которой являлось воспитание тела. В музыкальную теорию входили учения о строении и движении небесных тел, построении стихов, ораторском и сценическом исполнении. Античная музыкальная эстетика понимала музыку жизненно и утилитарно. В ней не полагалось таких декоративных форм, которые обладали бы только самостоятельной созерцательной значимостью и одновременно не служили бы самым обыкновенным утилитарным целям. Вторую часть сборника составили переводы памятников музыкально-эстетической мысли, выполненные разными авторами. Она открывается разделом «Мифологическая основа», где представлены фрагменты «Географии» Страбона, «Одиссеи» и «Илиады» Гомера, «Описания Эллады» Павсания, «Метаморфоз» Овидия, «Теогонии» Гесиода, гомеровских гимнов. Далее следуют отрывки из трактатов Страбона, Яввлиха, Архита и Филолая и других представителей греческой классики, касающиеся принципов древнего пифагорейства. Сборник завершается текстами Платона, Аристотеля и его школы, эллинистических философов (стоики, скептики, эпикурейцы — перевод текстов Лосева), Плутарха Херонейского и Квинтилиана. — K.

Античная философия истории (1977) I. — 163

Книга состоит из десяти глав, где автор анализирует античные представления о времени и пространстве, культуре и историческом процессе. В главе первой вводятся пять необходимых категорий, без которых автор не видит возможности построения философии истории, а именно: становление, движение, развитие, общественное развитие и специфическим образом интерпретированная структура общественного развития. В главе второй указыва-

ется, что категории «становления», «движения» и «развития» являются глубоким и отчетливо выраженным достоянием античной мысли, в то время как категорию «общественное развитие» приходится вычленять из разных ее областей, так или иначе связанных с проблемами историзма. Особо отмечается, что для полной характеристики античного историзма исследователю необходимо перейти к более целостным категориям, чем те, о которых шла речь выше. Изложение, анализ и выделение ряда свойств мифологического времени, а также рассмотрение мифологии с исторической точки зрения являются предметом третьей главы. «Эпический героизм» как главное отличие эпического и мифологического времени, проявление в эпическом времени начал историзма — вот основные темы главы четвертой. В пятой главе выявляются социально-исторические основы для формирования новой картины мира и представлений о времени членов гражданской общины (полиса) и показывается, что переход от общинно-родовых авторитетов к полисным не был полным освобождением от мифологии и эпоса. В шестой главе приводятся примеры того, как изображается и переживается исторический процесс в античной художественной литературе. Рассмотрение философии истории периода греческой классики автор проводит в седьмой главе. В главе восьмой, в связи с анализом философии истории периода ранней и средней классики (до Демокрита), говорится о том, что различные концепции времени в досократовской философии интуитивно фиксируют определенную систему отдельных моментов общего и цельного понятия времени, в которой отражается картина безусловного единства свободы и необходимости. Сущность атомизма Демокрита разъясняется в девятой главе, где показывается, что атомистический историзм установил весьма позитивное отношение к историческим фактам, стараясь объяснить их из самих себя, избегая всякой мифологии, которая допускалась лишь в пределах космологии или гносеологии. В главе десятой исследуются проблемы историзма у Платона и Аристотеля. Автор называет Платона образцом начальной формы теоретически конструированной историографии и отмечает, что благодаря диалектике свободы и необходимости в системе классического полисного историзма восстанавливается мифологическое представление о времени, превратившееся в концепцию вечного становления. Аристотель называется завершителем классического полисного историзма, основной категорией исторического бытия для которого выступила «полития»; указывается, что Стагирит формулирует время в платоновском духе как подвижный образ вечности с акцентом на пространственном движении. В «Заключении» автор кратко формулирует основные особенности и этапы понимания времени и культурного развития в античности. — Ш.

Античная философия истории (2000) I. — 679

Первая полная публикация книги *«Античная философия истории»* без сокращений, в ее исходном составе. В издании восстановлена авторская пагинация глав и параграфов, особенно существенно расширились разделы, посвященные историзму у Платона и Аристотеля. В «Заключении», сравнительно с изданием 1977 года, восстановлен важный обзор «Главнейшие исследования античного историзма» (Б. Снелль, Д. Каллахан, Б. Ван Гронинген, К. Ди-

ано, Г. Небель, С. Аккаме, Э. Дегани, А. Марвик, Э. Бенвенист и др.) и критика этих исследований. — Т.

Античный космос и современная наука (1927) I. — 11

Работа входит в состав первого лосевского «восьмикнижия» и открывает его. Книга состоит из короткого «Предисловия» (авторская датировка — 14 августа 1925 года), трех глав основного текста, «Приложения» (содержит интерпретирующие переводы трактатов Платона «О потенции и энергии» и «О субстанции и качестве»), обширных примечаний и дополнений, а также трех указателей — текстов Платона с терминами «эйдос» и «идея», текстов Платона с теми же терминами, главнейших переводимых и анализируемых текстов Платона, Аристотеля, Платина и Прокла (указано около 90 позиций). В целом автором ставится задача показать, «как античный космос обоснован диалектически», т.е. какие диалектические категории (в явной или скрытой форме) пускали в ход греческие мыслители, чтобы «осуществить конструкцию созерцаемой ими вселенной». Во вводной главе «Предварительная характеристика греческой диалектики» дается определение и общее рассмотрение диалектики: логический, эйдетический и категориальный ее характер; самообоснованность диалектики; ее связь с феноменологией, опытным знанием и мифом; утверждается, что диалектика категориального эйдоса должна завершаться диалектикой имени. Дается обзор диалектических конструкций в античности от древнего пифагорейства до учения Платона. Во второй главе «Диалектика тетрактиды А» автор реконструирует (постоянно сверяя шаги своей реконструкции с античными данными) диалектику сущности, или «категориально-идеальной существенности» космоса в четырех началах, вместе образующих первую тетрактиду: Одно, Одно сущее, Становление, Ставшее. Одно сущее, как и все последующие начала, представлены автором (вслед за диалектикой в «Пармениде» Платона и первых книг шестой «Эннеады» Платина) посредством особой структуры антиномичного вида — «единичность подвижного покоя самоотжественного различия». Эта фундаментальная структура позволяет с категориальной точностью описывать на различных уровнях: для второго начала, или Одного сущего, — смысл, или число как потенцию; множество; собственно эйдос, или понятие; топос, или фигуру; для третьего начала, Становления, — вечность; величину; время; пространство; для четвертого начала, Ставшего, — массу; субстанцию (вещь), количество; качество; тело; движение; место. Принципиальная диалектика тетрактиды А требует, далее, отличности ее в целом от меона, от абсолютно иного ей, — такова стадия появления имени тетрактиды. На этом пункте автор подробно останавливается в специальном разделе «Диалектика перехода к тетрактиде В, или к космосу», уделяя особое внимание антиномичным отношениям энергии сущности (тетрактида А) и факта как явления этой сущности (тетрактида В) и, тем самым, на античном материале определенно затрагивая тематику имяславских споров.

В третьей главе «Диалектика тетрактиды В» автор подробно прослеживает «диалектические судьбы» выведенных для тетрактиды А фундаментальных категорий на стадии их гипостазированной инаковости, в проявлении их

в космосе. Как историк философии автор обращается здесь прежде всего к интерпретациям платоновских диалогов «Тимей» и «Парменид» с опорой на принципиальные комментарии на них у Прокла. При этом полученные характеристики античного космоса автор всякий раз сопоставляет с теми или иными данными современной науки: целостность и беспредельность «единичности» — с «неделимой делимостью» в физике атома; разные степени напряженности «подвижного покоя» — с теорией электромагнетизма (и с явным эпатажем утверждая правоту астрологии); антиномику «тождества» и «различия» — с современными учением о сложном устройстве и взаимопревращении химических элементов (и в данном контексте отмечая правоту алхимии); антиномику «величины», «времени», «пространства» и «массы» античного космоса — с утверждениями Эйнштейна об относительности пространства и времени и т.д. Те же категории умного мира (тетрактиды А) рассматриваются автором и на стадии выражения (здесь выражением «единичности» признается символ, выражением «подвижного покоя» — ритм, выражением «самотождественного различия» — симметрия), что позволяет дать категориальное обоснование для античных представлений о связях геометрических тел, для диалектики точки, учениям об элементах и их превращениях, пропорциях и гармонии, о месте правильных многогранников в структуре мира и др. Завершая исследование, автор делает попытку сформулировать «последнюю тайну» или сущность греческого мироощущения, которую он видит именно в «божественно-всемогучей, играющее-равнодушной, безответственной-ответственной и ослепленно-зрячей диалектике» античного космоса. — Т.

Аристотель. Жизнь и смысл (1982) I. — 208

Книга, написанная в соавторстве с А.А. Тахо-Годи, состоит из введения и семи основных глав. Во введении формулируется главный общехудожественный принцип философии Аристотеля; отмечается критика отвлеченного платонизма и отсутствие противопоставления теории и практики у Аристотеля; оспаривается односторонность понимания Стагирита как философа абстрактного и сухого; указывается возможность совместного рассмотрения политической деятельности мыслителя с его философией. Первая глава книги охватывает период до появления Аристотеля в Платоновской Академии и выявляет главное и второстепенное в биографии молодых лет философа. Раскрывается связь жизни и личности Аристотеля с Македонией и указывается на важность сочетания мифологических представлений и жизненной практики для греков классической древности на примере мифологической генеалогии Стагирита. Глава вторая проясняет различные трактовки проблемы взаимоотношений Платона и Аристотеля во время пребывания последнего в Академии, показывает, что при всех расхождениях с Платоном по многим философским вопросам Аристотель все же причислял себя к его школе, считал себя платоником и, вполне возможно, покинул Академию из-за антимакедонских настроений в Афинах. Литературно-философской деятельности Аристотеля в Академии посвящена глава третья, где рассматриваются ранние произведения Аристотеля, и показывается, каким образом ближайший ученик Платона перешел на собственный философский путь и поставил на ме-

сто платоновских идей религиозное созерцание оформленного и упорядоченного космоса. В четвертой главе исследуется период жизни Аристотеля с момента его отъезда из Академии, когда мыслитель становится лидером кружка философов в Ассосе, до основания философом собственной школы – Ликея; особое внимание уделяется приглашению Стагирита к македонскому двору и проблемам воспитания мыслителем царя Александра. Глава пятая посвящена устройству Ликея в Афинах; важным отличиям в понимании и преподавании философии в Аристотелевской школе и Академии Платона; отношению к философии как к славословию разуму и разумной жизни в Ликее; изысканию эпистолярного стиля Аристотеля, проявившемуся в письмах философа; духовной близости Аристотеля и Евдокса, который оживил платоновскую идею, сформулировав ее как принцип эмпирического существования вещей, впоследствии развитый и укрепленный Стагиритом. Последние годы жизни Аристотеля рассмотрены в главе шестой, где автор исследует отношение Аристотеля к личности Александра Македонского, отравление царя, бегство Стагирита из Афин, самоубийство философа и его завещание; проблемы политики и морали в письмах Аристотеля к македонским царям и оценки, которые дает Аристотель разным народам; судьбу Каллисфена как символ отношения просвещенного греческого ученого к македонскому деспотизму. Философия Аристотеля в целом рассматривается в седьмой главе, где вычленяются эйдос и материя как верховные основы жизни по Аристотелю и доказывается, что, если жизнь у Стагирита – художественное произведение, то оно непременно есть произведение трагическое. Далее рассматривается «ключевой вопрос» о соотношении философии Аристотеля и его судьбы. – III.

Боги и герои Древней Греции (2002) I. – 725

Книга представляет собой своего рода введение и одновременно путеводитель в мир культуры Древней Греции. В ее основу легли работы, подготовленные Лосевым и А.А. Тахо-Годи для энциклопедии «Мифы народов мира». Сжатые и емкие статьи словарного типа дают общую характеристику греческой мифологии и греческой религии, описывают богов и героев Эллады (с типологией персонажей по специфическим группам), мифические племена и народы, горы и острова. Книга снабжена «Списком использованных источников и их сокращенных обозначений» и «Указателем мифологических имен». – Т.

Бытие. Имя. Космос (1993) I. – 411

Вышедшая в годовщину столетия со дня рождения Лосева книга – первый том из девяти томного собрания сочинений философа, подготовленного издательством «Мысль». Состоит из нескольких больших работ Лосева 1920-х годов. Предваряет том статья А.А. Тахо-Годи «Алексей Фёдорович Лосев», где показана неразрывная связь биографии философа со стихией его духовной жизни и научных интересов – с «именем», «числом» и «мифом». Включенная в книгу и первая лосевская статья «Эрос у Платона» (1916), посвященная изучению истории эллинского учения об Эросе до и после Платона, связь представлений об эросе у Платона с учением о Богочеловечестве Вл. Соловьёва. Лосевская книга «*Античный космос и современная наука*» представляет со-

бой исследования по истории античной и ранней средневековой науки и философии, объединенные идеей диалектики античного космоса. Здесь философ ставит своей целью дать стройное и законченное описание античного космоса в его полном и систематическом завершении. В работе *«Философия имени»* предметом исследования выступает слово как главный компонент языка, содержащий в себе в сжатом виде все его основные характеристики. Для Лосева живое слово — это мост между субъектом и объектом. Ученый утверждает, что «без слов и имени человек — вечный узник самого себя, по существу и принципиально антисоциален, необщителен, несоборен и, следовательно, также и не индивидуален, несущий, он — чисто животный организм или, если еще человек, умалишенный человек». Автор указывает путь от минимальной части слова, фонемы, к Божественному Слову: если преодолеть заблуждения здравого смысла, то язык сам откроет нам вечную и незыблемую действительность идеальных сущностей. В другом произведении *«Вещь и имя»* (поздняя редакция), в связи с дальнейшей разработкой проблемы имени, анализируются понятия действительности, имени действительной вещи и взаимоотношение имени и вещи. Здесь автор подводит к мысли о том, что в «имени» происходит синтез «действительности» и «выражения». Только в «имени» действительность настоящего «говорит». Исследователь открывает природу имени и выделяет свойства имени; уточняет оттенки смыслов во взаимоотношениях имени и понимающего; определяет имя как предел самовыявления вещи. На историко-философских примерах мыслитель проясняет субстанциальное отношение вещи и имени, обосновывает собственное понимание проблемы. Послесловие содержит две исследовательских статьи. Первая, ««Античный космос и современная наука» и современная наука», принадлежит В.П. Троицкому. В статье показана связь «космологической» составляющей науки конца XX века с наблюдениями из «Античного космоса». Во второй статье Л.А. Гоготишвили «Религиозно-философский статус языка» рассматривается концепция философии языка Лосева, сформулированная в работах *«Философия имени»* и *«Вещь и имя»*. Книга снабжена примечаниями и указателем имен. — III.

Введение в общую теорию языковых моделей (1968) I. — 71

В «Предисловии» автор обрисовывает основную задачу: изложить некоторые современные идеи математического языкознания в форме, понятной и близкой гуманитариям. Книга состоит из четырех разделов. Первый раздел, «Теория языковых моделей в ее теоретическом и практическом значении для лингвистики», открывается разбором истории термина «модель». Установив более трех десятков разных пониманий этого термина, Лосев приступает к конструированию собственного представления языковой модели, попутно критикуя увлечения теоретико-множественными методами. В итоге модель определяется как структура, перенесенная с одного субстрата на другой и воплощенная в нем реально-жизненно и технически-точно. Далее это представление используется на материале языкознания: как модель последовательно описываются фонема, грамматема, лексема и семема. Подчеркнув, что лингвистика как наука не может ограничиваться только описательными методами и нуждается еще в методах объяснительных, автор переходит ко второму раз-

делу «Фонологическая модель и языковая система». Здесь автор строит объяснительную теорию диалектического типа в области фонологии. Свойства фонемы, в общем виде понимаемой как конструктивная сущность звука, обследуются далее в серии содержательно нарастающих аксиом (аксиома речевого континуума, аксиома структуры, аксиома самодвижения, аксиома коммуникации и т.д.). В третьем разделе, «Трудности построения теории грамматических моделей математическими методами», и разделе четвертом, «Окрестность и семейство как лингвистические категории», автор продельвает содержательный перевод или «языковедческую обработку» двух формальных понятий, известных в математической лингвистике, — окрестность и семейство. Областью применения здесь избрано учение о грамматических категориях и, в частности, исследование падежа и склонения. Лосев констатирует важность категории окрестности для выражения коммуникативно-семантической стихии языка, а категории семейства — для выражения предидирующих отношений в континууме языка. — Т.

Вещь и имя. Самое самó (2008) I. — 913

В книгу вошли самая ранняя редакция работы «*Вещь и имя*» и незавершенная работа «*Самое самó*», созданные на рубеже 20–30-х годов XX века, которые вместе с книгой «*Философия имени*» образуют единый комплекс текстов, воплотивших философию языка Лосева. В отличие от текста «*Вещи и имени*», включенной публикатором в состав сборника «*Бытие. Имя. Космос*», ранняя редакция этой работы (в свою очередь, она вошла в состав сборника «*Имя*») дополнена обширной главой IV «Из истории имени». Прodelав и завершив в предыдущих главах детальный анализ всех мыслимых соотношений вещи, сущности вещи и имени вещи (давая при этом критику соответствующих направлений философской мысли, односторонне трактующих таковое соотношение) и придя в итоге к построению диалектической (синтетической) «картины имени», когда имя предстает как «энергично-личный» или «мифически-магический символ», автор в данной главе дополняет свой логико-философский анализ конкретными примерами из истории «живых религий». Рассмотрено, в частности, использование имен в практике заговоров и заклинаний (в краткой форме), в мистике Каббалы (этот раздел сохранился не в полном объеме) и в Библии. Специальное исследование Лосев посвятил значениям Имени Божия как в Ветхом, так и в Новом Завете. Указаны и проиллюстрированы многочисленными примерами следующие значения Имени Божия: а) «эйдетическое, или световое» (свет существа Божия, выражение непостижимой сущности Божией), б) «энергичное» (различной степени выражение силы и могущества естества Божия), в) «телеологическое» (указание на некую великую цель для стремлений твари), которые объединяются г) в «цельном значении» Имени как «энергии сущности божественной», которое наиболее ярко проявляется в молитвенной практике. Очевидным образом весь философский анализ приводит к осмыслению особой роли почитания Имени Божия в христианстве вообще и особенно в имяславии.

Для настоящего издания тексты обеих работ заново сверены с архивными подлинниками и представлены с существенными исправлениями. Име-

ется развернутый историко-философский комментарий, принадлежащий С.В. Яковлеву. Книга предваряется вступительной статьей А.Л. Доброхотова «“Волны смысла” или Генология А.Ф. Лосева в трактате “Самое самб”», в которой указанная работа философа рассмотрена на фоне длительной европейской традиции разработки проблемы Единого (генология) и характеризуется как своеобразное «изображение мира Диалектики как исторического пути приключений Смысла, утратившего и вновь обретшего Самость». — Т.

Вл. Соловьёв (1983) I. — 221

Книга открывается авторским предисловием, где рассматриваются диалектика духа и материи в философии Соловьёва и специфика его фидеизма. Во «Введении» дается краткий очерк жизненного пути Соловьёва. Глава I, «Личность», основана преимущественно на мемуарных свидетельствах современников философа, описывавших его внешность, привычки, бытовое поведение и впечатление, производимое им на слушателей и знакомых. Особое внимание уделено смеху Соловьёва и его отношениям с женщинами. Общая характеристика личности философа дается с опорой на оценки В.В. Розанова, Е.Н. Трубецкого и Л.М. Лопатина. В главе II, «Историко-философская ориентация», работы Соловьёва прочитываются на фоне использованных им источников: диалогов Платона, произведений неоплатоников, отцов Церкви, Оригена, теософов, гностиков, Декарта, Спинозы, Канта, Шеллинга, Гегеля, Конта, Шопенгауэра, Гартмана. При этом подчеркивается, что влияние всех этих источников на Соловьёва было весьма ограниченным и его система никак не сводима ни к одному из них. В главе III, «Теоретическая философия», предлагается критический анализ основных произведений Соловьёва и оспаривается распространенный взгляд на его эволюцию как на движение от славянофильства к западничеству. Определяется значение юношеских работ для дальнейшего творчества Соловьёва. Автор приходит к выводу, что Соловьёв с самого начала своего пути выстраивал весьма самостоятельную понятийную философию, характеризующуюся напряженным историзмом и не нуждающуюся в авторитете веры. Однако в начале 1880-х годов его интерес смещается преимущественно к вопросам социально-историческим. В главе IV, «Общее мировоззрение», демонстрируется односторонность привычных характеристик Соловьёва как философа и религиозного мыслителя, показывается особый характер его мистицизма, анализируется соловьёвское учение о Софии. Специальный подраздел посвящен философии истории Соловьёва. В «Заключении» характеризуется общая эсхатологическая направленность соловьёвского философствования. — Э.

Вл. Соловьёв (1994) I. — 472

Второе, дополненное издание книги «Вл. Соловьёв» вышло в свет с восстановлением купюр, сделанных по цензурным соображениям редакцией издательства «Мысль» при подготовке первого издания книги. Восстановленные фрагменты текста указаны в угловых скобках; общий их размер составил около 1,75 условных печатных листов, т.е. около четверти от объема текста 1983 года. Насколько теперь можно судить, в основном изъятия первого издания существенно затронули положительные характеристики творчества Вл. Соловьё-

ва, данные в свое время Лосевым, и разделы с религиозно-философской проблематикой. — Т.

Вл. Соловьёв и его время (1990) I. — 335

Книга состоит из пяти основных частей. Первая часть представляет собой очерк жизненного пути Соловьёва. Вторая часть посвящена теоретической философии. Анализ важнейших собственно философских произведений Соловьёва предваряется абрисом его философской системы, определяемой как философия цельного знания. Проводится сравнение Соловьёва-философа с рядом его предшественников, от Платона до Э. фон Гартмана. Подробно анализируется учение Соловьёва о Софии, которое осмысливается как стержень всего его творчества. Особое место уделено неопубликованному (на тот момент) франкоязычному трактату Соловьёва «Sophie». Софиология Соловьёва разбирается в интимно-романтическом, эстетическом и эсхатологическом аспектах, а также в связи с понятием Вечной Женственности. Отдельно исследуются магические элементы в соловьёвском учении о Софии, рассматриваются аргументы философа против вульгаризаторов его софиологии. Проводится анализ генезиса софийной философии Соловьёва, указывается на ее гностические и каббалистические истоки. Этическое учение Соловьёва разбирается на примере трактата «Оправдание добра». В третьей части разбираются социально-исторические искания Соловьёва, в частности его взгляды на национальный вопрос (польский и еврейский), отношения со славянофилами и западниками, учение о теократии. Рассматриваются различные аспекты религиозных исканий Соловьёва, в том числе его теория соотношения веры и разума, критика византийско-московского православия, католические симпатии. Специально анализируется трактат «Россия и вселенская церковь». Значительное внимание уделено критике взглядов Соловьёва со стороны представителей Церкви, в том числе Антония (Храповицкого). В центре четвертой части — отношения Соловьёва с его философско-литературным окружением, от Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского до С.Н. Булгакова. В пятой части, «Мировоззрение и личность», указывается на ряд распространенных заблуждений относительно философии Соловьёва, разбираются мистические, идеалистические и материалистические элементы его системы, его философия истории. Специальный раздел посвящен отношениям Соловьёва и С.П. Хитрово. В приложении помещены очерк А.А. Тахо-Годи «А.Ф. Лосев. Жизненная и творческая судьба» и запись посвященной Соловьёву беседы Ю.А. Ростовцева с Лосевым. — Э.

Вл. Соловьёв и его время (2000) I. — 680

Второе, дополненное новыми материалами издание книги «Вл. Соловьёв и его время» открывается предисловием А.А. Тахо-Годи «Из истории книги о Вл. Соловьёве». Помещено два «Приложения». В первом из них впервые публикуется глава «Этика. От социально-исторического утопизма к апокалиптике», не вошедшая в первое издание книги. Здесь завершается лосевская характеристика социально-исторических исканий Вл. Соловьёва, а также рассматривается его эстетическое и литературно-критическое наследие; констатируется, в частности, что Вл. Соловьёв был предначинателем и учите-

лем всего русского символизма. Во втором приложении публикуется материал С.М. Лукьянова «О записках С.П. Хитрово, рожденной Бахметевой». — Т.

Высший синтез. Неизвестный Лосев (2005) I. — 786

Книга объединяет юношеские произведения Лосева и снабжена подробными комментариями и примечаниями А.А. Тахо-Годи. Открывает том небольшая статья «Атеизм, его происхождение и влияние на науку и жизнь», где, будучи юным гимназистом, автор поднимает проблему о соотношении веры и разума. Следом идет сочинение юного философа «Высший синтез как счастье и ведение», где разрабатывается идея синтеза науки, религии, искусства, философии и нравственности. Третья глава — «Значение наук и искусств и диссертация Руссо “О влиянии наук на нравы”», — это гимназическое сочинение Лосева, где молодой мыслитель приходит к выводу о том, что все человеческое знание основано на вере, и вера должна вести человека к знанию абсолютного. В статье «Этика как наука», вошедшей в четвертую главу, проводится исследование тех принципов, на основании которых можно было бы судить о возможности такой науки как этика. В пятую — седьмую главы вошли три работы молодого Лосева, связанные с экспериментальными исследованиями эстетической образности и ритма (в рамках работы Психологического института). В первой статье ставится проблема эстетического ритма и проясняется теория вопроса, определяется предмет исследования и вводятся общие принципы экспериментов, разрабатывается план их практической постановки. Вторая статья представляет собой развернутый проект исследования эстетической образности. Третья — имеет своей целью изучение эстетической образности с ее «феноменологически-описательной» и «психологически-объяснительной» сторон. Глава восьмая — «Общая методология истории религии и мифа» — содержит тезисы по религиозно-философскому обобщению истории; основным принципам исследования истории религии и мифа; типам цельного религиозного опыта; отдельным типам религиозного сознания. На основании указанной религиозно-психологической системы, примененной к историческому материалу, здесь проводится попытка синтезировать исторический материал в известные культурно-исторические типы. В главе девятой приводится план-проект «О реформе Закона Божия в гимназии». К нему примыкает доклад «О методах религиозного воспитания», прочитанный в педагогическом кружке Нижегородского Государственного Университета, он составляет главу десятую. Здесь философ рассуждает о совмещении свободы психологического исследования и необходимости религиозных импульсов и переживаний, о единстве знания и веры. Работа «Рождение мифа», приведенная в одиннадцатой главе, содержит тезисы, в которых мифы связываются с учением о слове и возникновении поэзии. Наконец, «Этико-социальные воззрения Платона» — студенческая работа автора, в которой рассмотрены этико-социальные воззрения греческого мыслителя, с разделением философии Платона на три периода и детальным исследованием каждого из них. — III.

Гомер (1960) I. — 38

Книга состоит из введения и трех основных частей. Во введении автор отмечает, что поэмы Гомера, будучи весьма значительными по размеру, не могли

появиться внезапно в виде произведения только одного гениального писателя. Здесь дается ключ к овладению сложным и весьма насыщенным содержанием «Илиады» и раскрывается основное содержание «Одиссеи». Рецензируются существующие русские переводы Гомера, что помогает читателю, не владеющему греческим языком, ориентироваться в стиле этих переводов и в степени близости их к греческому тексту. Приводится необходимая литература для ознакомления с Гомером, в том числе исторические руководства и общее изложение античной мифологии, школьные греческие тексты Гомера и пособия для изучения греческого текста древнего автора. В части первой автор показывает те трудности, которые возникают при чтении «Илиады» и «Одиссеи», и те проблемы, которые появляются при попытках отнести эти поэмы к тому или иному времени или автору. Формулируется «гомеровский вопрос», то есть вскрываются сюжетные и культурно-социальные, религиозно-мифологические и языковые противоречия гомеровских текстов и, наконец, противоречия автора поэм с самими поэмами. Определяется место Гомера в истории античной культуры и особо подчеркивается существование критического подхода к поэмам Гомера еще в античности. Раскрываются подходы нового времени к «гомеровскому вопросу» и формулируются основной тезис гомероведения, а также некоторые выводы из всей обширной литературы по данному вопросу. Приводится краткий и конспективный очерк гомеровского общества, выделяются прогрессивные тенденции у Гомера. Гомер предстает своеобразной границей между двумя античными формациями — общинно-родовой и рабовладельческой, причем, разграничивая эти формации, он подвергает их своей самостоятельной рефлексии.

Во второй части анализируется художественное мастерство Гомера. Выдвигается первопринцип гомеровского эпического стиля, возникающий из примата общего над индивидуальным, где реальным носителем всех особенностей эпического стиля является герой, понимаемый как индивидуальное воплощение патриархальной общины. Особо отмечается, что, поскольку в Гомере пересекается несколько социально-исторических эпох, его поэмы оказываются лоном зарождения уже новых стилей, а потому и новых жанров. Утверждается принципиальное единство художественного стиля Гомера, приводятся примеры из современных исследований мировоззрения и стиля Гомера. В третьей части рассматривается художественная действительность гомеровских поэм и отмечается, что гомеровские боги не есть ни только хтонизм, ни только героизм, ни их переплетение. Хтоническое и героическое доводится у Гомера до степени поэтического бурлеска и представляет собой эстетику очень тонких категорий, прежде всего юмора, насмешливости или просто занимательной сказки. — III.

Греческая культура в мифах, символах и терминах (1999) I. — 631

Книга объединяет работы, написанные А.А. Тахо-Годи и Лосевым в разные годы и по различному поводу, но в основном посвященные истории греческой литературы и языка, происхождению греческих терминов, мифов и символов, начиная от Гомера и орфических космогоний и кончая V веком н. э. Все работы, включенные в сборник, основаны на исчерпывающем изуче-

нии текстов. Главное и наиболее крупное произведение сборника – «Греческая мифология» – принадлежит перу А.А. Тахо-Годи и является итогом многолетней работы автора по изучению проблемы мифа в античности. Последующие статьи представляют собой дальнейшую детализацию авторской концепции античной культуры. В предлагаемое собрание включены также две работы Лосева. Первая из них представляет собой подробное историческое исследование мифологии Афины Паллады, фрагмент труда *«Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии»*. Другая работа – беседа Лосева с профессором Д.В. Джохадзе, опубликованная впервые в 1984 г. в «Вопросах философии». Здесь философ в краткой тезисной форме изложил свое понимание ряда основных проблем историко-философской методологии: необходимость целенаправленного исследования истории философских терминов; рассмотрение истории философии как школы современной мысли; важность теории символа, ее роль и место в философии. – К.

Дерзание духа. Сборник статей (1988) I. – 288

Книга состоит из трех основных разделов: «Учиться диалектике», «О пользе философии», «Мировоззрение и жизнь». Открывает сборник обращение к читателю «Сокровище мыслящих», где автор говорит о важности воспитания живой мысли. В первом разделе, который начинается с двух глав, построенных в форме «платоновских» диалогов философа со студентом Чаликовым, в связи с раскрытием природы и способов мышления, взаимосвязи мышления и действия ставится проблема бесконечности и, одновременно, конечности мира, действительности как становления, а также мышления как создания принципов конструирования; определяются понятия «человек» и «общество». В следующих главах автор вводит аксиоматику для определения диалектики; формулирует пять необходимых предпосылок для установления диалектических систем; доказывает существование науки об абсолютной и всеохватывающей действительности (философии как единства логики, диалектики, теории познания); рассуждает об истории диалектики и вносит уточнения в различные трактовки принципов диалектики.

Второй раздел книги объединен общей идеей обоснования пользы философии. Для начала автор формулирует двенадцать тезисов об античной культуре, помогающих понять принципы ее построения; говорит о необходимости учета в античной философии всех периодов ее развития и важности решения вопроса о ее социально-исторической сущности; выдвигает эстетику как необходимое начало и, одновременно, завершение античной философии; рассуждает о значении первобытнообщинной формации для античной философии. Далее в форме интервью раскрываются принципы формирования синтетической культуры мышления; указывается важность изучения истории философии для построения любой философской системы; характеризуются специфические черты античной культуры и мировоззрения и определяется отношение античной культуры к современности. В заключение раздела автор еще раз указывает на важность истории философии как школы мысли, без которой не может быть полноценной философской культуры, служащей базой духовной культуре вообще. В третьем разделе читатель найдет рас-

суждение о благородном чувстве сопричастности науке и радости познания; с помощью таких понятий, как становление и жизнь, исторический императив, личная свобода и переделывание действительности, формулируется жизненное кредо философа; рассматривается роль творческих потенций человека в античной и современной культуре; указывается на важность отождествления мирового и мирного для построения здравого мировоззрения; дается определение интеллигентности; исследуется природа чуда. Завершается книга заключительным словом составителя данного сборника Ю.А. Ростовцева, главного редактора журнала «Студенческий меридиан», где было опубликовано большинство вошедших в книгу работ. — III.

Диалектика мифа (1930) I. — 18

Работа входит в состав первого лосевского «восьмикнижия» и завершает его. Книга состоит из короткого «Предисловия» (авторская датировка — 28 января 1930 года) и четырнадцати глав. Автор характеризует миф как «одну из самых темных областей человеческого сознания, которой раньше занимались главным образом богословы или этнографы» и полагает вскрыть существо мифа философскими средствами. С этой целью в первых десяти главах готовится позитивное определение мифа путем отграничения от кажущихся близкими к нему воззрений: миф не есть выдумка или фантазия; миф не есть чисто идеальное бытие; миф не есть научное представление (но обратное неверно: наука всегда мифологична); миф не есть метафизическое построение (здесь вводится важное представление о мифической отрешенности, которого не знает метафизика); миф следует отличать от схемы и аллегории, но в мифе всегда есть символический слой или даже многие слои; миф не есть поэтическое представление (обсуждается расхождение с поэзией по характеру отрешенности); мифология не есть религия (сущностное разделение их, утверждает автор, проходит по степени онтологичности); следует различать миф и догмат (теперь уже по степени историзма), но также миф и историческое событие как таковое (миф — не всякая история, но «в словах данная личностная история»). Лосевский анализ сопровождается расширенными экскурсами, в которых, в частности, исследуются: символическая мифология в учении о цветах Гёте и Флоренского; мифология природы в русской лирике (Пушкин, Тютчев, Баратынский); символика и мифология полов; неоднородность пространства и времени в мифологии, в том числе мифология сна; мифология науки (позитивизма) и специально мифология материализма, трактуемого у автора как чисто буржуазный по происхождению и духу. Для положительного разрешения вопроса определения мифа исследуется проблема личности, миф представлен как обязательно личностная форма (глава VII). Рассматривая соотношение мифологии и догматики (глава IX), автор иллюстрирует свое понимание проблемы на примере диалектики веры и знания. Эта часть «Диалектики мифа» уснащена экспрессивными описаниями «мифологических страстей» атеистического миропонимания и «безглазой тьмы» материалистической Вселенной, рисуется картина «вырожденческой мифологии» Нового Времени, материализма в католичестве (в связи с вопросом о Filioque), дается весьма едкая интерпретация спора советских «механистов» и «диалектиков». Глава завершает

ся рассмотрением двенадцати важных антиномий (субъект и объект, идея и материя, сознание и бытие, сущность и явление, душа и тело, индивидуализм и социализм, свобода и необходимость, бесконечность и конечность, абсолютное и относительное, вечность и время, целое и часть, одно и многое) и констатацией того, что нередко миф заслоняется догматом, а за видимостью научности и логической оправданности всегда укрывается своя мифология. Нарастившая положительную характеристику мифа, вслед за личностным бытием (глава VII), рассмотренным исторически (глава IX), автор вводит представление о чуде, которое и выражает всю специфику мифической целесообразности, применимой к любой вещи (глава XI). Мир — чудесен, реальное бытие есть разная степень чудесности. С точки зрения чуда автор далее объясняет феномен мифологической отрешенности и еще раз пересматривает все ранее введенные отграничения мифа (миф — не поэтическое произведение, не схема или аллегория, не специально религиозное сознание, не догмат) и синтезирует мифологическое представление о личности, слове и истории в формулу «миф — развернутое магическое имя». На этом свое «феноменолого-диалектическое раскрытие понятия мифа» автор считает законченным (главы XII, XIII).

В заключительной главе XIV автор обосновывает идею абсолютной мифологии и противопоставляет ее многочисленным относительным мифологиям, более или менее приближающимся к абсолютной. Для построения такой мифологии требуется максимальное применение диалектики, а именно, демонстрация диалектического развертывания магического имени. С привлечением введенных выше двенадцати антиномий философ описывает базовые свойства абсолютной мифологии, попутно показывая ее отличия от ряда относительных мифологий — фидеистической, рационалистической, материалистической и др. Абсолютная мифология суммарно характеризуется как религиозное ведение в чувстве творчески субстанциального символа органической жизни личности, аритмологически-тоталистически и вместе с тем алогически данной в своем абсолютном и вечном лике бесконечного. Иными словами, абсолютная мифология — «просто указание» на развернутое магическое имя, данное в своем абсолютном бытии. Разумеется, здесь «понятие Бога вытекает для мифологии с простейшей диалектической необходимостью». — Т.

Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (2001) I. — 711

Книга открывается вступительной статьей А.А. Тахо-Годи «“Философ хочет все понимать”. “Диалектика мифа” и “Дополнение” к ней» и составлена из следующих работ Лосева: «*Диалектика мифа*» (данное издание представляет собой первое научно-критическое издание книги, после публикации 1930 г. уничтоженной и потому попавшей в разряд библиографических редкостей); фрагменты «Дополнения к “Диалектике мифа”», значительная часть которых впервые опубликованы в настоящем томе; обширное «Приложение», где подобраны тексты (большинство из которых опубликовано впервые), примыкающие к «Диалектике мифа» и дающие представление о темах, в свое время вынесенных автором в «Дополнение». Вступительная статья содержит биографические сведения, соотнесенные с кругом научных проблем, волновавших философа во второй половине 1920-х годов. В сохранившихся главах «До-

полнения» автор проводит разделение основных типов мифологий на основании господствовавшего вида социально-экономических отношений, а также выстраивает «абсолютную» (обладающую максимальной полнотой воплощения принципов) мифологию. В материалах, включенных в «Приложение», проясняется сущность мифологии и «взаимоотношение двух универсальных областей человеческого творчества — мифологии и диалектики»; рассмотрены определенные типы мифологии; проводится сравнительный анализ распространенных теорий мифа; выделяются три основных типа «относительных» мифологий: авторитарный, либерально-гуманистический и социалистически-материалистический. Заканчивается «Приложение» текстом «Заявления профессора А.Ф. Лосева в Главлит» от 1929 г., которое было вызвано запрещением печатать «Дополнение». В «Примечаниях», кроме реального комментария, приводится подробная информация по истории создания «Диалектики мифа» и исследуется вопрос о сделанных вопреки цензуре вставках в книгу; дается реконструкция состава и содержания «Дополнения». Книга снабжена обширным указателем мифологических и литературных персонажей, предметным указателем и указателем имен. — *Ш.*

Диалектика художественной формы (1927) I. —12

Работа входит в состав первого лосевского «восьмикнижия». Авторская датировка «Предисловия» к книге — 19 ноября 1926 года. Предваряя основной текст, Лосев предупреждает, что здесь он занят только построением системы отвлеченной логики искусства, тогда как «живое социальное бытие» искусства следует рассматривать «в дальнейших выпусках» планируемого исследования (не осуществлено). Книга построена из трех частей и обширных «Примечаний» к ним. В первой части, озаглавленной «Основные определения», автор закладывает путь к категориальному определению понятия художественной формы. С этой целью описывается основная диалектическая тетрактида. Фактически автор, опуская античные экскурсы, дает краткий конспект второй главы своего трактата *«Античный космос и современная наука»*, — и приводит ее дальнейшую спецификацию на стадии «интеллигентного» (самосоотнесенного) оформления. Здесь появляется возможность дать точные диалектические формулы для актов познания, стремления и чувства, столь необходимых в описании творческого процесса. Следующий этап — указание места мифа (категориально трактуемого как интеллигентно данный символ), личности (как символически осуществленного мифа), имени (как энергичного выражения мифа) и, наконец, художественной формы (как личности, адекватно воспроизведенной в теле, или личности как символа). Всего автор вычленил пятнадцать категориальных аспектов художественной формы. Вторая часть книги, «Антиномика», дает феноменолого-диалектическое описание свойств художественной формы, для чего используется язык различного рода антиномий (понимания, смысла, мифа, адекватности, изоляции). Такой язык, по мысли автора, позволяет ясно выразить срединное положение художественной формы между смыслом и фактом. В третьей части, «Переход к частной эстетике», автор прилагает полученные логические результаты к задаче классификации видов художественной формы. Выделяются виды эйде-

тические, мифические, персонные, модификационно-персонные, стилевые, композиционные. С ними соотносятся все традиционные виды искусства, в заключительном разделе данной части книги сведенные в итоговую таблицу художественных форм. Следующие далее «Примечания», занявшие примерно половину всей книги, выполняют не только традиционную вспомогательную роль, а также сообщают современному читателю некоторые важные сведения о собственном творчестве Лосева, но и содержат ряд исследований автора, имеющих самостоятельную ценность. Среди таковых можно указать: изложение трактата Плотина I 6 «Эннеады» о красоте (прм. 29), обзор четырех типов учения об идее, примененных к эстетике (прм. 32), изложение эстетики германского идеализма (конспект нескольких лекций из авторского курса «Истории эстетических учений», прм. 55), обзор ярких примеров изображения музыкального феномена (прм. 56), критика различных классификаций искусств, данных философами XVIII – XIX веков (прм. 57). – Т.

Диалектика числа у Плотина (1928) I. –15

Работа входит в состав первого лосевского «восьмикнижия». Основу книги составляет авторский перевод с древнегреческого языка, первый на русском языке, трактата Плотина «О числах» (VI 6 «Эннеады»). Автор характеризует этот трактат как «труднейший во всей философии текст» и в своих комментариях отмечает основные проблемы, связанные с переводом трактатов Плотина, – трудности терминологии, краткость и отрывочность выражения, затруднения в понимании «широкого и многостороннего потока философской прозы». Лосев излагает собственные переводческие принципы: обеспечить интерпретирующий перевод, сочетая филологическую точность с адекватной передачей мыслей философа и их логических связей. Текст перевода предваряется авторским «Анализом трактата Плотина “О числах”», в котором дается тщательный и неспешный, по главам и строкам глав, разбор данного трактата, но при этом решается также задача обследования всех связей получаемого понятия числа с диалектикой Плотина вообще. Число у Плотина, подчеркивает исследователь, стоит очень высоко: оно «чуть-чуть не само Единое» и потому не только не физично и не психично, оно даже «выше ума и сущности». Число порождает всё и прежде всего лежащий в основании материи «умный предмет», который является смысловой выраженностью числа и который резюмируется Лосевым, с опорой на категории Плотина, как индивидуальность (сущее) смысла и ума (тождество), полагающая себя (покой) как расчленено-множественный (различие) факт живой вечности (движение). Тем самым описана как природа самого числа, так и дана принципиальная картина осмысления им всего сущего.

В заключительной XIII главе своего исследования автор обращается к философскому наследию Прокла, который, по лосевской оценке, договаривает Плотина и завершает его. А именно, «сфера чисел есть сфера божественная» – вот что вполне содержится у Плотина и что Прокл явно договорил в своих построениях. Лосев приводит «краткий конспект» иерархии богов-чисел по Проклу, помещая в данной главе фактически самостоятельное исследование (перевод и комментарий) избранных глав из «Первооснов теоло-

гии». Боги-числа, согласно этой «гениальной философской системе последнего великого неоплатоника», суть «иерархично истекающие из лона первоединства актуальные бесконечности». — Т.

Диалектические основы математики (2013) I. — 997

Книга создавалась А.Ф. Лосевым в 1930-х годах (отдельные ее главы — «Диалектика основных арифметических действий», — написаны в 1932 г., во время пребывания автора в лагере на строительстве Беломорканала) и при жизни автора не издавалась. Отдельные части этого произведения, по мере их выявления в архиве мыслителя, публиковались в различных философских журналах и книжных изданиях в 1990-х годах (см. в наших аннотациях книг А.Ф. Лосева «Хаос и структура», 1997 и «Личность и Абсолют», 1999 описание соответствующих частей единой книги). Настоящее издание полностью объединяет и завершает реконструкцию всех сохранившихся материалов данного фундаментального исследования.

«Диалектические основы математики» представляют своего рода единственную в истории философской мысли попытку формулировки «первых» (внематематических) оснований для математической науки. В основу своей «метаматематики» А.Ф. Лосев положил универсальную диалектику «одного» и «сущего», развивая тем самым неоплатоническую мыслительную технику, восходящую к Плотину и Проклу, в соединении с феноменологией Гуссерля. Все основные объекты современной математики — в геометрии, функциональном анализе, теории множеств, теории вероятностей, — выводятся в системе Лосева из единых логических принципов. Интереснейшей особенностью предложенного здесь рассмотрения математических учений является вскрытие их интуитивных оснований, что позволяет погрузиться в подлинно творческие глубины математической деятельности и, шире, любых форм точного знания.

Издание открывает «Предисловие», составленное В.М. Лосевой в январе 1936 г. для несостоявшегося издания книги, и завершается послесловием В.П. Троицкого «Метаматематика Алексея Лосева». Приводится также сохранившийся в архиве А.Ф. Лосева развернутый план содержания данной книги, который свидетельствует о широте и фундаментальности всего замысла «Диалектических основ математики», реализованного, к сожалению, лишь частично. — Т.

Диоген Лаэртский — историк античной философии (1981) I. — 201

Книга состоит из «Введения», трех основных разделов — «Анализ трактата Диогена Лаэртца с точки зрения строго историко-философской», «Анализ первоисточников и состояние текста трактата Диогена Лаэртца» и «Трактат Диогена Лаэртца с точки зрения истории античной культуры», — и «Итогов». Во «Введении» даются общие сведения о греческом писателе III в. н. э. Диогене Лаэртции. В первом разделе исследуется трактат Диогена Лаэртца, условно названный «История философии». Отмечается, что метод античного автора не дает цельного представления о началах греческой философии, равно как и о ее разделении на отдельные школы; утверждается, что структура «Истории философии» стала отражением принципов, характеризующих

греческую литературу того периода; констатируется частое отсутствие упоминаний о философских идеях мыслителей или слишком сжатое их изложение; анализируется специфика историко-философских приемов Диогена Лаэртца. Во втором разделе приводится критика Диогена Лаэртца авторами, начиная с Нового времени и заканчивая XX веком, и отмечается, что, несмотря на справедливость этой критики, необходимо выработать новый целостный подход к изучению античного автора. Обоснованию такого подхода посвящен третий раздел книги, где с культурно-исторической точки зрения исследуется диогеновский метод преподнесения биографий отдельных философов и отмечается безусловная значимость Лаэртца в качестве выразителя античного отношения к историко-культурной традиции; выделяется ряд особенностей биографического метода Диогена Лаэртца; показываются философско-теоретические элементы мысли античного автора; особо подчеркивается, что, несмотря на то, что биографический метод Диогена Лаэртца можно назвать беллетристическим, это не мешает античному историку формулировать разные предметы и явления в полном соответствии историческим реальностям. Общий итог Лосев формулирует в двух направлениях: во-первых, при всей бессистемности трактата, констатируется стремление опираться на авторитетные мнения и достоверные факты, а также следует отметить несомненную точность и научную значимость некоторых наблюдений греческого мыслителя; во-вторых, история греческой философии у Лаэртца, по мнению автора, своеобразно отображает и характеризует время культурного падения Рима. — *Ш.*

Жизнь (Повести. Рассказы. Письма) (1993) I. — 416

Включенные в сборник рассказы впервые были опубликованы в начале 1990-х годов в периодических изданиях. В книге делается попытка целостно представить лосевское прозаическое наследие 1930–1940-х годов и его основную проблематику: причастность человека к судьбам мира (рассказ «Жизнь»), искусство и его поклонники (повесть «Трио Чайковского», «Театрал»), судьбы людей, заключенных на Беломорско-Балтийском канале (повесть «Встреча», рассказ «Из разговоров на Беломорстрое»). В том также включено лосевское эпистолярное наследие — лагерная переписка Лосева с В.М. Лосевой 1931–1933 годов, а также письма к В.М. Лосевой, писавшиеся во второй половине 1930-х годов, когда Лосев вынужден был преподавать в провинциальных высших учебных заведениях. Все письма печатаются с небольшими сокращениями (полностью опубликованы в книге *«Радость на веки»*). Издание снабжено иллюстративным блоком и статьей А.А. Тахо-Годи, где очерчиваются магистральные векторы творчества Лосева-прозаика и то, как в коммунистическую эпоху, требовавшую постоянной смены масок и приспособления к ее духу, Лосев стремился сохранить свой, подлинный, неизменяемый лик. Издание не лишено ряда недостатков, в связи с чем цитирование предпочтительно делать по изданию *«Я сослан в XX век...»*, М., 2002. — *Т.-Г.*

Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию (1982) I. — 211

Книга представляет собой сборник работ по языкознанию 1940–1970-х годов. Открывает ее статья «Язык как орудие общения в свете ленинской тео-

рии отражения». Здесь автор тонко анализирует ряд единиц языковой структуры и на этой основе формулирует проблему коммуникации; для лучшего прояснения роли языка как орудия общения исследует два таких элемента речи, как интонация и экспрессия; приходит к выводу о несущественности математических обозначений для содержательного исследования языка. В статье «Аксиоматика знаковой теории языка» философ проясняет понятия структуры и модели, контекста и значения; выделяет термин «символ» для обозначения непрерывной семантической текучести в языке; вводит ряд аксиом для знаковой теории языка. Работа «Аксиоматика теории специфического языкового знака» развивает положения указанной выше статьи. Лосев исследует внеструктурные стороны языка и вводит дополнительную аксиоматику. Следующая работа – «Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли» – исследует языковое мышление как возможность бесконечно разнообразной интерпретации одного и того же логического суждения. В статье «О бесконечной смысловой валентности языкового знака» предпринимается попытка расширить представление о грамматической предикации. Стремлением сформулировать окончательные характеристики языкового знака продиктована статья автора «Аксиоматика языкового знака в плане его специфики». Значительным дополнением категориально-логической системы языка посвящена работа «О понятии аналитической лингвистики». Посредством выявления принципиальных различий между учением стоиков об иррелевантных структурах и современными структуралистскими теориями языка в статье «Учение о словесной предметности (лектон) в языкознании античных стоиков» автор проясняет стоическую теорию знака. В очерке «Обзор некоторых главнейших негативных концепций соотношения языкового знака и языкового значения» рассмотрено большинство негативных (недостаточных, частичных) теорий знака. В статье «Критические замечания по поводу современных знаковых теорий языка» разобрано несколько работ, посвященных системному и коммуникативному характеру знака, его логической специфике. В работе «Терминологическая многозначность в существующих теориях знака и символа» в связи с анализом многочисленных «Трудов по знаковым системам» (Тарту) проводится попытка преодолеть путаницу в значениях таких терминов, как «знак», «значение», «структура», «модель», «символ». Пропозициональные функции древнейших лексических структур исследуются в одноименной статье Лосева, где утверждается, что в живом языке не существует никакой лексики без такой структурной единицы, как предложение, и показывается, что в архаических языках это выражено наиболее ярко. Исследование связи языка и мышления проводится в работе «О типах грамматического предложения в связи с историей мышления». Роль и место живописной образности в поэзии исследуется в статье «Проблема вариативного функционирования поэтического языка». В последней статье данного сборника – «Поток сознания и язык» – автор приходит к выводу о том, что в основе языка как потока сознания лежит всеобщее предцирование; основа языка – пропозициональная. – III.

Из ранних произведений (1990) I. — 343

Книга — первое переиздание в советское время трёх больших работ, вошедших в так называемое первое восьмикнижие — «*Философия имени*», «*Музыка как предмет логики*» и «*Диалектика мифа*». Впервые они увидели свет в период с 1927 по 1930 г. «*Философия имени*», в основном подготовленная еще в 1923 г., напрямую связана с философским осмыслением существа имяславских споров начала XX века. Предметом исследования здесь выступает слово как главный компонент языка, содержащий в себе в сжатом виде все его основные характеристики. Для Лосева живое слово — это мост между субъектом и объектом. Ученый утверждает, что «без слов и имени человек — вечный узник самого себя, по существу и принципиально антисоциален, необщителен, несоборен и, следовательно, также и не индивидуален, не-сущий, он — чисто животный организм или, если еще человек, умалишенный человек». Философ характеризует свою манеру исследования как «до-теоретическое адекватное узрение» и рассматривает предмет не в логосе, а в эйдосе. Для религиозного сознания несомненным достоинством «*Философии имени*» является то, что эта работа, помимо пристального внимания к земному и человеческому в языке, указывает на то, что каждое слово глубоко причастно Божественному Логосу, таинственно связано с Именем Божиим. Основным предметом трактата «*Музыка как предмет логики*» является идея единства музыки, философии и математики. По мнению автора, музыка — это идеальная конструкция, близкая к математике, а вовсе не «стенограмма чувств» или предмет психологии. Музыка — это «чисто алогически выраженная предметность жизни числа». Однако музыка и математика отличаются друг от друга по способу конструирования своего основного предмета. Социально-политический вектор «*Диалектики мифа*», по признанию самого автора, во многом предопределили события в России конца 1920-х годов. Здесь исследуется миф как древнейшая форма освоения мира человеком и одна из самых темных областей человеческого сознания. Автор стремится показать, что миф — это не выдумка или фантастический вымысел, не идеальное бытие, не научное построение, не метафизическое построение, не вид поэтической образности, не догма, а сама жизнь. — III.

Имя (1997) I. — 591

Книга представляет собой сборник работ Лосева, преимущественно неизвестных широкому кругу читателей. Она состоит из трех основных разделов: «Религиозно-философские работы», «Переводы» и «Беседы с Лосевым». Предваряет их статья А.А. Тахо-Годи «Из истории создания и печатания рукописей А.Ф. Лосева». Первый раздел открывает страница из дневника Лосева от 12 марта 1912 года, где молодой философ говорит об истинной радости человека, заключенной в исполнении нравственного долга, и о религии как синтезе всего человеческого знания. В идущем следом фрагменте «О молитвенном научении» говорится о необходимом дисциплинирующем действии храма для достижения сосредоточенности в умной молитве. В статье «Имяславие» излагается история одного из мистических движений православного Востока, выделяются три основных слоя имяславия: мистически-опытный,

философско-диалектический и научно-аналитический. Далее в книге приводятся одиннадцать лосевских тезисов о Софии, Церкви и Имени. Следом идет доклад «Философия имени у Платона», где автор трактует платонизм в духе мистического символизма. В тезисах доклада об учении св. Григория Нисского о Боге ставится задача изложить учение христианского богослова и локализовать это учение на фоне православного мировоззрения, а также сделать выводы для имяславия. Разработка имяславской проблематики продолжается в работах «Спор об именах в IV веке и его отношение к имяславию», «Заметки об употреблении Имени Божия в Новом Завете», «Дионисий Ареопагит. Заметки» и «Константинопольские соборы». Во фрагменте «Анализ религиозного сознания» Православие рассматривается как мистическое вероучение. В следующей работе Лосев выделяет несколько главных составляющих известной книги «На горах Кавказа» (с нее начинались «имяславские» споры), а именно: антропология, умное богообщение, умная молитва и учение об имени. Богословское обоснование Имени Божия приведено в тезисах, направленных в 1923 г. автором о. П. Флоренскому. В докладе «Эллинизм и христианство» содержится ряд тезисов, в которых проводится анализ общих принципов философских построений двух культурных типов в пределах онтологии. В докладе об Имени Божиим и об умной молитве Лосев исследует догматическую сторону имяславия. Краткая история имяславия дана в одноименной статье. Вопрос о том, как возможно общение человека с Богом, решается в докладе «О сущности и энергии (имени)». Научное знание, его согласование с Библией – вот основные темы работы «Учение о мире, творении и твари и наука». Вопросы, стоявшие перед ранней патристикой, исследуются в одноименном фрагменте. В работе «Филология и эстетика Конст. Аксакова» показано значение аксаковских лингвистических работ, недооцененных современными мыслителями философиями и филологами. Идеи Аксакова о языке и художественном языке представлены по трем разделам: общее уточнение о слове и языке, ряд грамматических учений и историческая диалектика поэтического и словесного творчества. Во фрагменте «Первозданная сущность» предпринимается попытка исследования «абсолютной мифологии», в данном случае – мифологии бесплотных сил или ангелологии. Философские размышления об Имени Божиим даны в тексте «Миф – развернутое магическое имя». Проблема троичности трактуется в тексте «Абсолютная диалектика = абсолютная мифология». В работе «Вещь и имя», в связи с дальнейшей разработкой проблемы имени, анализируются понятия действительности, имени действительной вещи и взаимоотношение имени и вещи. Здесь автор рассуждает о том, что в «имени» происходит синтез «действительности» и «выражения». Исследователь описывает природу имени: выделяет свойства имени, уточняет оттенки смыслов во взаимоотношениях имени и понимающего, определяет имя как предел самовыявления вещи. На историко-философских примерах мыслитель проясняет субстанциальное отношение вещи и имени. В работе «Средневековая диалектика» проведена типологическая классификация и рассмотрены основные представители диалектики Средних веков. Прояснению коммуникативной функции языка, где грамматические катего-

рии становятся принципами бесконечно разнообразных значений в зависимости от живого контекста речи, посвящена статья «О коммуникативном значении грамматических категорий». В связи с необходимостью обозначения различий между учением стоиков об иррелевантных структурах и структуралистскими теориями языка в статье «Учение о словесной предметности (лектон) в языкознании античных стоиков» Лосев проясняет стоическую теорию обозначаемого. Проблема функционирования живописной образности в поэзии исследуется в статье «Проблема вариативного функционирования поэтического языка».

Второй раздел открывает перевод (под редакцией Лосева) текста позднего неоплатоника Каллиста Катафигиота о Божественном единении и созерцательной жизни. Следом идет перевод трактата Дионисия Ареопагита «Таинственное богословие», а в качестве приложения дан перевод письма Николая Кузанского об этом трактате. Перевод трактата митрополита Эфесского Марка о Божественной сущности и энергии завершает второй раздел книги. Все тексты раздела сопровождаются примечаниями и комментариями В.В. Библихина. Третий раздел начинается с записей бесед Лосева с В.В. Библихиным, дающих возможность представить себе круг тем, волновавших Лосева в 1970-е годы. В воспоминаниях о. Алексия Бабурина рассказывается о некоторых религиозных переживаниях, которыми Лосев делился со своим молодым собеседником в последние годы своей жизни. Завершают том статьи, в которых исследуются философские взгляды Лосева. В работе В.П. Троицкого «Теория множеств как “научно-аналитический слой” имяславия» исследуются содержательные связи имяславской проблематики, представленной в работах Лосева и о. П. Флоренского, с математической теорией множеств. Далее следует статья Л.А. Гогтишвили «Лосев, исихазм и платонизм», где автор приходит к выводу, что развиваемая Лосевым религиозно-философская позиция вскрывает имплицитное содержание православного учения. Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосева, С.Н. Булгакова и о. П. Флоренского) изучается в одной-и-той же статье того же автора, завершающей настоящий том. — III.

История античной философии в конспективном изложении (1989) I. — 321

Во «Введении» определяются хронологические и территориальные границы античной философии. Показывается социально-историческая основа античной философии, ее связь с общественно-экономическими формациями. Возникновение философии связывается с появлением мифологической рефлексии. Раскрывается основная философская проблематика античности, анализируются важнейшие термины: миф и логос, материя и идея, душа, ум и космос, первоединство. Предложена периодизация античной философии. Дан очерк ее исторического развития, предложена краткая характеристика каждого из этапов, от классики и эллинизма до позднего неоплатонизма и гностицизма. В основе философии классического периода — представление о чувственном и материальном самодвижущемся космосе, состоящем из пяти первоэлементов. В эпоху эллинизма, по мысли автора, космос рассматривается уже не только как объект, но и как субъективная человеческая данность, что, однако, не приводит к сомнениям в его чувственном и мате-

риальном характере. Лишь в позднем эллинизме космос субъективизируется настолько, что начинает рассматриваться как Первоединое и тем самым как миф. Неоплатонизм анализируется в связи с античным учением о судьбе. Общее движение античной философии трактуется как путь от мифа к логосу и к диалектике. Конец античной философии связывается с исчерпанностью диалектического сознания в его античном варианте. Признаки гибели античности усматриваются в синкретических философских учениях первых веков новой эры, пропитанных интуициями личности, тогда как вся античная философия строилась на понимании человека, природы, мира и богов как не личностных, но чисто вещественных структур. — Э.

История античной эстетики. [Т. 1]: Ранняя классика (1963) I. — 54

Том состоит из двух основных разделов: «Рождение эстетики» и собственно «Ранняя классика». В первом разделе рассматриваются наиболее общие категории античного мировоззрения, их оформление в классических философских системах и связь с социально-экономическим базисом (рабовладельческий строй). Автор формулирует важнейшие особенности подхода античного человека к понятию прекрасного и к искусству в частности, предлагает периодизацию развития античной эстетики. Особое место уделяется пластике как основному принципу античного искусства и, шире, античного мира. Анализируя эстетику Гомера, автор констатирует эпичность его представлений о природе и космосе, подробно разбирает структуру гомеровского общества, взгляды поэта на искусство и красоту.

Второй, основной, раздел тома начинается с обзора учения пифагорейцев, чья эстетика нашла свое наиболее полное выражение в «Каноне» Поликлета. В качестве эстетического первопринципа античности рассматривается категория числа (в том числе в связи с музыкой и с культом Диониса). Специальное внимание уделено пифагорейско-платоническому учению о пропорциях. В связи с Анаксагором автор обращается к учению о гомеомериях и выявляет его эстетический смысл. Зародышевое проявление эстетического отношения к действительности отмечается в элейской философии, в первую очередь у Парменида, тогда как главный эстетический принцип, выводимый из учения милетцев, — тождество единичного и всеобщего. Подробный анализ философии Гераклита, в которой автор находит «космологическую эстетику», сопровождается наблюдениями над его стилем. Обращение к эстетике Эмпедокла позволяет вычлнить у него пять аспектов учения о красоте и гармонии и понимание Любви и Вражды как основных принципов красоты. В учении Диогена Аполлонийского, рассматриваемом как переходный этап на пути от натурфилософии к атомизму, прекрасным является сам первоэлемент — воздух. Атомисты представлены прежде всего Демокритом. Автор подробно останавливается на свойствах демокритовского атома, на новаторстве античного атомизма (где впервые в истории мировой философии на первый план выходит представление об индивидууме), на принципах атомистической диалектики. Отмечается эстетическое значение представления Демокрита о фигурности атомов, реконструируется атомистическая эстетика, прослеживается ее связь

с учением Демокрита о цветах. Завершается том общим обзором древнегреческой эстетики периода ранней классики и избранной библиографией. — Э.

История античной эстетики. [Т. 2]: Софисты. Сократ. Платон (1969) I. — 86

Том состоит из двух основных частей: первая посвящена периоду средней классики (софисты, Сократ и сократики), вторая — периоду высокой классики (Платон). Софистов автор определяет как античный аналог Просвещения, а их взгляд на природу и искусство характеризует как анархический. Специально разбираются противоречивое отношение софистов к мифологии и их учение о слове. Анализ последнего аспекта, а также пристального интереса софистов к «словесным изощрениям» и к отточенности стиля позволяет сделать вывод о том, что основную роль для их эстетики играла риторика. В основе как философии, так и эстетики софистов, подчеркивает автор, лежит перевод объективных ценностей на язык субъективных ощущений. Понятие красоты у них сохраняет свою объективную природу, однако она всегда проявляется через человеческую личность, наполняя ее бушующими страстями. Проанализировав сходства и различия учения софистов и Сократа, автор заключает, что Сократа отличает повышенный, по сравнению с софистами, уровень рефлексии и проблематизации человеческой жизни. Постулируется, что важнейшая заслуга Сократа в области эстетики — в том, что он вычленяет прекрасное как идею, несводимую к отдельным прекрасным предметам. Анализируются исторические корни учения Сократа о специфике прекрасного, разграничиваются области красоты, блага и пользы в сократовской философии. Отдельно разбирается влияние на нее античного понимания иронии. Прослеживается влияние эстетики Сократа на сократиков, в первую очередь на школы киников и киренаиков. В целом учение софистов и Сократа рассматривается как необходимое переходное явление в истории греческой эстетической мысли, мост между раннеклассической космологией и философскими системами Платона и Аристотеля.

В качестве базовой предпосылки эстетической теории Платона выделяется платоновское учение об идеях. Анализируя эстетический принцип Платона, автор обращает внимание на отграничение эстетической области, проводимое Платоном в различных диалогах. Специально разбираются важнейшие для понимания платоновской эстетики диалоги — «Пир», «Федр», «Филеб». Как ключевая характеристика учения Платона о прекрасном рассматривается широко понимаемая двуплановость. Прослеживается связь эстетики Платона с его учением о числе, подробно анализируются различные модификации эстетического принципа (как внутренние, так и внешние) и различные свойства, приписываемые Платоном понятию прекрасного. Особое внимание уделяется платоновской мифологии. Подробно исследуется воплощение эстетического принципа Платона в художественной действительности, в связи с чем рассматриваются учение философа о прекрасном в материальном мире, о красоте тела в неорганической и органической природе, о красоте человека, общества и, наконец, космоса и абсолютной действительности (последние две сферы являют собой высшие образы прекрасного, по Платону). Основным парадоксом эстетики Платона автор считает противоречие между

постулированием совершенной красоты материального и чувственного космоса, с одной стороны, и мира идей — с другой. — Э.

История античной эстетики. [Т. 3]: Высокая классика (1974) I. — 137

В томе продолжен анализ платоновской эстетической концепции, начатый в предыдущем томе «Истории». Том состоит из трех основных частей: первая посвящена учению Платона об искусстве и его теории художественного воспитания, вторая — общей характеристике платоновской эстетики, третья — эстетическим системам последователей Платона (Спевсипп, Ксенократ, Гераклид Понтийский, Евдокс и др.). Описывая теорию искусства у Платона, автор приходит к выводу, что подлинным произведением искусства философ считает космос. В книге детально анализируется платоновская концепция подражания как основы эстетической деятельности и история трактовки этого понятия в мировом платоноведении. Констатируя отсутствие у Платона какой бы то ни было классификации искусств, автор тем не менее строит изложение, переходя от одного вида искусств к другому. В наиболее общей форме эстетическое учение Платона представлено в его замечаниях о мусических искусствах, представляющих, согласно философу, основу всех прочих искусств. Рассматривая взгляды Платона на поэзию, автор особое внимание уделяет анализу его отношения к Гомеру, а также к Гесиоду и трагикам. Для выявления представлений философа об ораторском искусстве привлекаются диалоги «Горгий» и «Федр». В особых разделах рассматриваются концепция хороводного искусства у Платона, связанная, в том числе, с эстетикой винопития, и теория живописи, скульптуры и архитектуры. Как показывает автор, искусство, по Платону, имеет смысл тогда, когда оно действительно, отсюда платоновская концепция художественного воспитания и постулирование необходимости строгого государственного контроля за сферой искусства — положения, наиболее полно развитые в «Государстве» и «Законах». Эстетику Платона автор связывает с рабовладельческой формацией. Так как высшей формой прекрасного является для Платона космос и мир абсолютного, то его система предстает как антиисторическая. Возвращаясь к анализу платоновского учения об идеях, автор подчеркивает ее едва ли не танцевальный и игровой характер, а в качестве ключевого символа платоновской философии и одновременно метафоры ее метода выделяет охоту. Подробно исследуется соматическая символика и терминология в философии и эстетике Платона. Ставится вопрос об эволюции эстетических воззрений Платона, однако окончательно эта проблема не может быть разрешена в связи с отсутствием достаточных оснований для точной датировки многих платоновских текстов. Трагедию философа автор видит в том, что Платон стремился вырваться из оков греческой классики, однако не обладал никаким иным опытом жизни, кроме жизни в рабовладельческом обществе, отчего созданная им утопия оказалась еще страшнее, нежели афинская действительность его эпохи. В приложении к тому помещен комментированный перевод трактата Прокла «Первоосновы теологии» (пер. А.Ф. Лосев). — Э.

История античной эстетики. [Т. 4]: Аристотель и поздняя классика (1975)**I. – 148**

Том состоит из пяти основных частей: в первой вычленяются основные проблемы эстетики Аристотеля, во второй анализируется аристотелевская эстетика относительности, в третьей – учение Аристотеля об искусстве, в четвертой дается заключительная характеристика эстетики Аристотеля, подводятся итоги его полемики с Платоном по эстетическим вопросам, наконец, в пятой разбираются эстетические системы перипатетиков (Феофраста, Аристоксена и др.). Разбор собственно эстетических взглядов Аристотеля предвзвешивается кратким очерком его жизни и деятельности, а также анализом стилистических отличий его сочинений от сочинений Платона. Автор постулирует, что сравнение Аристотеля с Платоном есть необходимое условие для правильного понимания первого. Анализ онтологической эстетики Аристотеля начинается с разбора понимания Единого в его философии. В качестве «идеи идей», определяющей философию Аристотеля, в том числе его эстетику, выделяется нематериальный, вечный и самомыслящий Ум, учение о котором находится в тесной связи с учением о космической Душе. Эстетика выражения Аристотеля анализируется через последовательный разбор категорий потенции, энергии, энтелехии и чтойности. От них автор переходит к собственно эстетическим категориям, особенно пристально разбирая понятия калокагатия и катарсис. Эстетика Аристотеля, как и эстетика Платона, рассматривается в тесной связи с его философией числа. Важнейшее значение теории Аристотеля для спецификации эстетики как самостоятельной области исследований автор видит в окончательном разграничении понятий благое и прекрасное. Эстетика Аристотеля характеризуется как вероятностная и диалектическая, в то же время подчеркивается, что относительные элементы сочетаются в ней с абсолютными. Специальное внимание уделено представлениям философа о космосе и пространстве-времени в их связи с эстетикой. Подробно исследуется учение Аристотеля об эстетических аспектах цвета и света, о простых (желтый, белый, черный) и смешанных цветах и их художественной значимости. Подчеркивается важность трактата «О цветах» для иллюстрации привязанности Аристотеля к реально существующему, во всем его многообразии. Анализируется подход Аристотеля к человеческому телу как к эстетическому объекту, с эстетической точки зрения разбирается трактат «Физиогномика». В центре внимания автора оказываются также проводимые Аристотелем границы между искусством и смежными сферами человеческой деятельности. Изучаются принципы разграничения искусства с одной стороны, ремесла и науки – с другой, разбираются аристотелевские взгляды на связь искусства и природы, искусства и мифологии, исследуются проводимое философом противопоставление искусства и морали и понимание им искусства как самодовлеющего целого, не предполагающего никакой утилитарной цели. Специальный раздел посвящен анализу понятия мимесис. Подробный разбор трактата «Поэтика» завершается описанием деятельности Аристотеля как литературного критика и его взглядов на Гомера, а также на позднейших драматургов. Анализ трактата «Риторика» позволяет выявить сущность рито-

рической эстетики Аристотеля и его теорию стиля. Специальное место уделено разбору музыкальных взглядов философа и его концепции эстетического воспитания (в том числе через гимнастику). В приложении помещен разбор взглядов П. Броммера на эйдос и идею у Платона. — Э.

История античной эстетики. [Т. 5]: Ранний эллинизм (1979) I. — 187

Том состоит из пяти основных частей: в первой предлагается общее введение в историю эллинистически-римской эстетики, во второй анализируются эстетические теории трех основных философских школ означенного периода (стоицизм, эпикуреизм, скептицизм), в третьей дается очерк эллинистического искусствознания, в четвертой показано движение эллинистической мысли от индивидуализма к универсализму, в пятой подводятся итоги. Особенности эллинистической философии связываются со спецификой эллинистически-римского рабовладения, предлагается периодизация эллинистической эстетики. Дается подробный обзор основной литературы по проблемам эстетики данной эпохи, причем большинство исследований характеризуются как недостаточные. Учение стоиков рассматривается в тесной связи с понятием лектон, лежащим в основании стоической теории языка и языкового знака. Эстетика стоиков описывается как материалистическая и антропоцентрическая по содержанию, аллегорическая по форме выражения. Сходным образом характеризуется и содержание эстетики эпикурейцев. Особое внимание уделяется эстетическому аспекту эпикуровского учения о богах. Подробно разбирается логика эпикуреизма, оспаривается популярное убеждение, что эпикурейство исчерпывается элементарным сенсуализмом, а атомы, по Эпикуру, являются единственной действительностью. Рассматривается эстетика последователей Эпикура, в том числе Филодема и, особенно подробно, Лукреция. Эстетическое учение скептиков обозначается как трагическое по своей сути. Исследуется скептицизм Пиррона и Платоновской Академии, а также скептическая философия Секста Эмпирика и его учение о неразличимой текучести. Анализируются эстетические следствия этой теории, характеризуются некоторые эстетические прасимволы скептицизма. Автор останавливается на двух трактатах Секста Эмпирика — «Против риториков» и «Против музыкантов», а также на концепте молчания в скептической философии. Специальные разделы посвящены александрийской критике, эллинистической эпиграмме и эстетической программе Горация, как она сформулирована в его «Послании к Пизонам». Подробно рассматриваются теория и практика ораторского искусства у эллинистических ораторов — Дионисия Галикарнасского, Деметрия, Псевдо-Лонгина, Цицерона, Квинтилиана, Тацита и др., анализируются их эстетические воззрения, приемы, стиль. Исследуются философские основы и эстетические принципы античной музыки (в том числе в связи с учениями о гармонии и об этосе), а также изобразительных искусств (прежде всего на материале трактата Витрувия). Значительное место уделено анализу синтеза стоической и платонической философии в системах Панеция и Посидония. — Э.

История античной эстетики. [Т. 6]: Поздний эллинизм (1980) I. – 192

Том состоит из пяти основных частей: в первой разбираются универсалистские тенденции в эллинистической эстетике, во второй анализируется в целом эстетика неоплатоников, в третьей предлагается введение в эстетику Плотина, подробный анализ которой дан в четвертой и пятой частях. Открывается том исследованием эстетических представлений неопифагорейцев, значительное внимание уделяется пифагорейскому трактату «Золотые стихи» и взглядам Аполлония Тианского. Подробно разбирается система Филона Александрийского, в том числе его учение о Логосе и о космосе, а также аллегорическая техника философа. Кратко характеризуются эстетико-философские концепции платоников II века. Основное место в томе занимает анализ неоплатонизма, в первую очередь философии Плотина, предлагаются краткие характеристики ключевых понятий неоплатонической философии и ее эстетических предпосылок. Неоплатоническая эстетика описывается как символическая по существу. Дается периодизация неоплатонизма. Предлагаются очерк жизни Плотина и сжатая характеристика основных черт его стиля. Выделяются основные аспекты эстетики Плотина, которая рассматривается как граничащая с мифологией, при этом Плотин характеризуется как предшественник средневековой эстетики. Философия Плотина сопоставляется с системами досократиков и – особенно детально – Платона и Аристотеля. Кроме того, подробно рассматривается вопрос о сходстве и различиях между концепциями Плотина и философов раннего эллинизма, а также взгляды философа на Гомера, Гесиода и других античных авторов. Исследуются базовые категории неоплатонической философии – время, вечность, самость, эманация, материя – и их эстетические следствия в системе Плотина. Плотин рассматривается как философ, доведший до предела платоновско-аристотелевскую онтологизацию понятия «прекрасное». Приводятся тексты ряда эстетических трактатов Плотина, предлагается их подробный разбор. В качестве важнейших для эстетической системы Плотина категорий вычлняются понятия судьбы, свободы, причинности, промысла и др. Рассматриваются платиновское определение демона и отводимое ему философом место во вселенной, а также трансформация в теории Плотина категории мимесиса. Большое место уделено анализу платиновской классификации искусств в разных ее аспектах и платиновского учения о влиянии искусства на зрителя и слушателя, рассматриваются черты презрения к искусству в сочинениях философа. Специальный раздел посвящен анализу специфики платиновской образности и диалектики символа у Плотина. Рассматривается влияние Плотина на классический немецкий идеализм. В специальные разделы выделен анализ таких категорий платиновской философии как материя (в том числе в ее отношении к эйдосу), ум и благо. Основа философии Плотина – в диалектике свободы и необходимости. Его эстетика зиждется на попытке совместить (и даже отождествить) изначальную хаокосмическую гармонию с дерзостным самоутверждением всякой индивидуальности, входящей в эту гармонию. В предельно обобщенном виде эстетика Плотина предстает как эстетика Адрастии – сверхчеловеческого закона всеобщей мудрости и красоты. – Э.

История античной эстетики. [Т. 7, ч. 1]: Последние века (1988) I. — 293

Книга состоит из трех основных частей: в первой описывается ранний римский неоплатонизм, во второй — сирийский неоплатонизм, в третьей — пергамский. Открывается том разбором учения Амелия о трех умах-демиургах и очерком философии Порфирия. Рассматриваются демиургическая концепция Порфирия, его взгляд на историю философии, особенности его диалектики и логики, психология и соматология, этико-религиозные теории, демонология. Для анализа его эстетических взглядов привлекаются трактат «Сентенции», помогающий понять учение Порфирия об отношении души и тела, а также трактаты «Об изваяниях» и «О пещере нимф» и «Письмо к Марцелле». Вторая часть состоит по преимуществу из исследования различных сторон философии Ямвлиха, а также его учеников. Ставится вопрос о степени оригинальности сочинений Ямвлиха. Отдельно разбираются проблема ноумена у Ямвлиха, характер его учения о душе и космосе, природе и материи, отношения его с пифагорейской традицией, с платонизмом, неоплатонизмом и аристотелизмом, математические концепции Ямвлиха, особенности его символизма. Особое внимание уделяется эстетической терминологии философа. Последовательно анализируются мифологический, аритмологический и теургический аспекты эстетической теории Ямвлиха. Разбираются трактаты «Теологумены» и «О египетских мистериях». Третья часть посвящена анализу систем Саллюстия и, более подробно, Юлиана. В центре внимания — мифологическая эстетика Саллюстия и его учение о богах, а также речи Юлиана «К царю Солнцу», «К Матери богов» и др., отношения императора-философа с христианством. При этом стиль и личность Юлиана рассматриваются как показатели его эстетического мировоззрения. — Э.

История античной эстетики. [Т. 7, ч. 2]: Последние века (1988) I. — 294

Книга посвящена афинскому неоплатонизму. Центральная фигура тома — Прокл. Разбираются системы философов — предшественников Прокла: Плуларха Афинского, Гиерокла Александрийского и др. Метод Прокла определяется как триадический. Даются краткая биография Прокла, очерк его философии в целом (учение о Едином, о космосе, о ноумене, о материи, о пространстве, времени и вечности и др.), аналитический обзор его важнейших сочинений. Особое внимание уделено прокловской диалектике мифа и его классификации богов в контексте античной традиции. Разбираются выделявшиеся Проклом двенадцать типов единства и восемь типов триады. Анализируются геометрические представления философа, его взгляды на науку, искусство, мораль, религию. В связи с эстетической концепцией Прокла рассматривается его учение об отношениях красоты, блага и справедливости. Философская система Прокла понимается как четырехипостасная диалектика, всеединорефлектированная в каждой из четырех основных ипостасей, а также рефлектированная еще и теургически-мифологически. Философско-эстетический символизм Прокла иллюстрируется его гимнами. Отдельно рассматриваются взгляды современников и преемников Прокла, особое внимание уделяется Дамаскию и его трактату «О первых принципах». Завершается книга анализом неоплатонических интерпретаций платоновского диалога

«Парменид». В качестве приложения помещены переводы трактатов Порфирия «О пещере нимф» (пер. А.А. Тахо-Годи) и Ямвлиха «Теологумены арифметики» (пер. В.В. Биbihин). В конце второй книги дается содержание обеих книг тома. — Э.

**История античной эстетики. [Т. 8, ч.1]: Итоги тысячелетнего развития (1992)
I. — 398**

Книга состоит из шести основных частей. Первая, вторая и третья части завершают хронологическое повествование, доводя его до раннехристианского неоплатонизма и гностиков. В четвертой части предлагается общая характеристика античной эстетики в ее историческом развитии. Пятая часть посвящена соотношению философии, эстетики мифологии в античном сознании. Наконец, в шестой части дается очерк общей эстетической терминологии. В первой части рассматривается александрийский и восточный раннехристианский неоплатонизм. Эта часть открывается описанием перехода от афинского неоплатонизма к александрийскому и абрисом общих черт александрийского неоплатонизма. Анализируются тексты Гермия, Аммония, Пиерокла, Синезия (особое внимание уделено тринитарной проблеме в его творчестве), Немезия и Филопона (в трудах которого переплетались платоновская и аристотелевская традиции). Рассматривается трактат Давида Непобедимого «Определения философии». В связи с тринитаризмом рассматриваются доникейские (Тертуллиан, Ориген и др.) и посленикейские взгляды на проблему. Во второй части рассматривается неоплатонизм латинского Запада. Среди ранних авторов особое внимание уделено Августину. Но основной интерес сосредоточен на философах-продолжателях (Халкидий и Макробий) и философах-завершителях (Марциан Капелла и Боэций). В общей характеристике римского неоплатонизма специально выделены проблемы единства, ума, души. На примере проблематики провидения и судьбы, как и на примере тринитарного вопроса, автор показывает переход античной философии в средневековую. Третья часть, посвященная эпохе синкретизма и гибели античности, начинается с разбора халдейских философских теорий и трактата «Сивиллины оракулы». Очерк сочинений герметиков («Поймандр», «Асклепий») и анализ специфики герметического философствования заключается приложением ряда фрагментов герметических текстов. Наиболее подробно исследуется гностицизм, его пневматология и сотериология. Выделяются мифологические и оккультные элементы в наследии гностиков. Отдельно разбираются учения офитов, Василида и Валентина. В четвертой части показано зарождение эстетики как самостоятельной дисциплины. Постулируется связь античной эстетики с рабовладельческой формацией. В пятой части речь идет о глубинном тождестве философии, эстетики и мифологии в эпоху античности. Рассматривается мифологическая рефлексия и понятие личности в разные периоды античности. Характеризуется роль Гегеля для построения истории античной эстетики. Определяется круг основных эстетических проблем античности. Дается общий обзор основных античных определений красоты. В шестой части предлагается краткий очерк истории развития важней-

ших эстетических терминов эпохи античности: единое, число, ум, душа, материя, тело. Дается сводка общеэстетической терминологии. — Э.

История античной эстетики. [Т. 8, ч.2]: Итоги тысячелетнего развития (1994) I. — 476

Заключительная книга «Истории античной эстетики» посвящена эстетической терминологии и состоит из трех основных частей. В первой части рассматривается структурно-дифференциальная терминология, во второй — субстанционально-интегральная. В третьей части предложен абрис обобщенно-завершительной картины античной эстетики. Первая часть содержит исследование терминов, имеющих отношение к проблематике целого и его частей. В первую очередь это понятие гармонии, а также понятия мимесиса и катарсиса. Рассматривается значение всех трех терминов и их историческая динамика. Прослеживается также история ряда других терминов (фигура, порядок, позиция, мера, симметрия, пропорция, ритм). Завершение терминологических исканий античности автор видит в пифагорейском учении о музыкальной гармонии. Во второй части предложено исследование терминов, имеющих отношение к проблематике выражаемого и выражающего. Концепции, основанные на примате выражающей предметности, рассматриваются через античное учение об элементах (земля, вода, воздух, огонь, эфир) в его историческом развитии. Концепции, основанные на примате выражающего осмысления, рассматриваются в связи с учением о Софии и предшествующей его оформлению софийной терминологией. В отдельные разделы выделены краткие очерки античных воззрений на природу, искусство, человека, космос, хаос, судьбу, миф. Особое внимание уделено эволюции термина «красота» от ранней классики до Плотина и его терминологическому окружению (калокагатия, трагическое, ирония, риторика, символ). В третьей части дан очерк античного учения о вещи и проанализировано значение термина «сома». Том завершается сквозными указателями (предметным, исторических имен, мифологических имен, упоминаемых авторов), охватывающими весь корпус «Истории античной эстетики». — Э.

История эстетических категорий (1965) I. — 60

Книга открывается предисловием, где формулируется суть замысла: на широком историческом материале проследить развитие основных понятий и категорий эстетики и таким образом дать систематический обзор истории эстетики в категориях. Определяется методология исследования, поясняется, что, поскольку главный акцент в работе ставится на происхождении эстетических категорий, необходимой задачей является их точный терминологический анализ. Основная часть книги состоит из двенадцати глав, представляющих собой исторические очерки о важнейших эстетических категориях — мере, гармонии, катарсисе, калокагатии, прекрасном, грации, подражании, аллегории, вкусе, идеале, иронии, гротеске. В заключении предлагается ряд общих закономерностей, характеризующих процесс развития эстетических категорий. В книге делается вывод, что в большинстве своем эти категории вырастали из понятий, обозначавших реальные вещи предметного мира. — Э.

Критика платонизма у Аристотеля (1929) I. — 17

Работа входит в состав первого лосевского «восьмикнижия». «Предисловие» к книге датировано Лосевым 8 августа 1928 года. Основу данной работы составляет авторский перевод с древнегреческого языка, первый на русском языке, книг XIII и XIV «Метафизики» Аристотеля, а также подробный обзор их содержания, библиография по затронутым темам (только на иностранных языках) и обширные примечания переводчика. В «Предисловии» подробно изложены и обоснованы принципы перевода, которых придерживался автор, — сочетание филологической точности и философской понятности при максимальном следовании тексту оригинала, с использованием в этих целях дополнительных рубрикаций, шрифтовых выделений и метода «квадратных скобок» (для ремарок и разъяснений переводчика). Тексту перевода «Метафизики» предшествует исследование, посвященное логическому анализу указанных книг и детальному разбору аргументации Аристотеля против учения Платона: сначала в общем плане об идеях и принципах, а также о математическом предмете вообще, а затем специально об идеальных числах, где особое значение имеет представление о «счислимости» и «несчислимости» чисел. Завершая свой анализ, автор дает общую характеристику отличия Платона и Аристотеля по «чисто логической установке» в понимании связей вещи (субстанции) и идеи (принципа): первый философ, по оценке Лосева, есть «чистый диалектик», второй — «чистый феноменолог и формалист». Детализируются также отличия диалектики от формальной логики, без усвоения которых, подчеркивает автор, невозможно ни правильное понимание платонизма, ни уяснение аристотелевской критики его. — Т.

Личность и Абсолют (1999) I. — 633

Данная книга — восьмой том из лосевского собрания сочинений, выпущенного издательством «Мысль». Содержит следующие разделы: «Исследования по философии и психологии мышления», «Проблемы философии имени». Завершают том фрагменты дополнений к «Диалектике мифа», а также ряд глав из книги «Диалектических основ математики», не вошедших в предыдущее издание этой работы в седьмом томе лосевского собрания сочинений «Хаос и структура». Работа «Исследования по философии и психологии мышления», написанная и подготовленная к изданию еще в 1915 — 1919 годах на основе дипломного сочинения, представленного в Психологический институт Г.И. Челпанова, печатается здесь впервые. В ней дается сводный обзор трудов психологов Вюрцбургской школы, приступивших в начале XX столетия к экспериментальному изучению мышления, а также их оценка с теоретико-психологической точки зрения и с точки зрения экспериментального метода. В раздел «Проблемы философии имени» включены все работы Лосева по имяславиям, написанные с 1919 по 1929 год, включая статью «Имяславие», тезисы имяславских докладов, заметки, а также четвертая глава из работы «Вещь и имя», озаглавленная «Из истории имени» и представляющая собой широкий исторический обзор учения об именах в различных человеческих культурах. Все эти работы ранее издавались в сб. «Имя» и для настоящего издания заново сверены и исправлены. Далее помещены фраг-

менты дополнений к «Диалектике мифа» (1929), ранее не публиковавшиеся. Основное содержание фрагментов – история конкретных мифологических типов, отражение судеб мировой истории в мифе. Наконец, публикация глав III, IV и V из «Диалектических основ математики», где дается содержательный философский анализ таких понятий, как арифметические действия, комбинаторно-матричное исчисление и учение о композициях, позволяет читателю получить целостное представление об указанной работе. Издание снабжено обширными комментариями, выполненными А.А. Тахо-Годи, и несколькими послесловиями, принадлежащими А.А. Тахо-Годи (общая характеристика работ в томе), В.В. Умрихину (сопоставление лосевского анализа и современных ему учений о психологии мышления), В.В. Бибахину (сопоставление идей Лосева и Хайдеггера на основе дополнений к «Диалектике мифа»), Л.А. Гоготшвили (анализ лосевской философии языка). – К.

Миф. Число. Сущность (1994) I.– 478.

Третий том из лосевского собрания сочинений, выпущенного издательством «Мысль», включает работы «*Диалектика мифа*», «*Критика платонизма у Аристотеля*», «*Диалектика числа у Платона*» и «*Первозданная сущность*», ранее издававшиеся. Остальные помещенные в томе работы печатаются впервые. Работы «*Первозданная сущность*» и «*Абсолютная диалектика – абсолютная мифология*», как очевидно, являются частью «*Дополнения к “Диалектике мифа”*». Лосев подробно рассматривает в этих работах основную диалектическую триаду идеи, материи и вещи, находящую свое выражение в пределах первозданной мифической сущности, как три сферы: 1) умные силы, или невидимый мир ангельский, 2) видимый мир, космос, природа, неодушевленный мир и 3) человек. Автор анализирует модификации, которые претерпевает ангелология, переходя из одного типа в другой. По словам Лосева, мир бесплотных сил есть чисто диалектическая необходимость абсолютной мифологии. Далее Лосев рассматривает инобытийную диалектику девяти ангельских чинов, диалектику Неба, Земли, Огня, Света и Цвета, символику ангельской одежды, символы ветра и облаков в применении к ангельскому миру. Затем Лосев касается триады Знамени, Иконы и Обряда. Подводя итог, автор утверждает, что наиболее конкретное сознание не может не утверждать Личность в качестве абсолюта. В работе «*Самое самó*» (не издававшейся при жизни автора) рассматриваются основные философские категории: Вещь, Бытие, Сущность, Смысл. По мысли Лосева, «кто знает сущность, самóе самó вещей, тот знает все». Далее автор показывает, что вещь не есть ни сознание вещи, ни материал вещи, ни ее форма, ни соединение того и другого, ни один из ее признаков, ни все признаки, взятые вместе. По утверждению автора, вещь есть сама вещь, то есть вещь определима только из себя самой. Далее Лосев приводит ряд примеров из истории учения о самости, обращает внимание на таинственность первого зачатия мысли. Рассматриваются понятия бытия, небытия и становления, гегелевский термин «для-себя-бытие», история терминов «сущность», «смысл», «происхождение». Работа завершается подробным рассмотрением понятия «эйдос». Лосев доказывает, что кантианский «*Ursprung*» и гуссерлианский эйдос не только не противоречат друг другу, но требуют друг

друга и друг из друга выводятся. В конце тома, в качестве послесловий, помещены статья Л.А. Гогтишвили «Коммуникативная версия исихазма» и работа В.П. Троицкого «О смысле чисел». — К.

Мифология греков и римлян (1996) I. — 562.

Книга является пятым томом из лосевского собрания сочинений, выпущенного издательством «Мысль». В данное издание вошли два фундаментальных исследования античной мифологии. Работа «Античная мифологии в ее историческом развитии» была опубликована в 1957 году, открыв собою новый (на этот раз уже не прерывающийся) период публикаций Лосева, после почти тридцатилетнего вынужденного молчания. Здесь рассмотрены основные проблемы античной мифологии, периоды мифологического развития от хтонической мифологии и фетишизма до мифологии периода рабовладения, мифология Критского Зевса, мифология Аполлона и выражение этой мифологии в античной литературе (греческой и римской). Второе исследование — «Теогония и космогония» — впервые публикуется в настоящем издании и представляет собой собрание античных первоисточников, от Гомера и Гесиода до «Тифонии» Нонна, а также авторские комментарии к этим первоисточникам. Данная работа является составной частью обширного энциклопедического труда «Античная мифология с античными комментариями к ней», подготовленного автором в 1930-х годах. — К.

«Мне было 19 лет...». Дневники. Письма. Проза (1997) I.— 593.

В книге впервые полностью публикуются лосевские юношеские дневники 1911–1914 годов, а также отдельные дневниковые записи 1912, 1915, 1918 и 1919 годов, позволяющие воссоздать картину жизни молодого философа в начале XX столетия: путешествия по России — на Кавказ и на Урал, учеба в Московском университете, первые сердечные увлечения — влюбленности в Елену Житеневу или Евгению Гайдамович, интеллектуальная и музыкальная жизнь столицы, единственная зарубежная командировка — поездка летом 1914 г. в Берлин, переживания событий Первой мировой войны, а затем и революции. В сборник также вошли первое лосевское философское сочинение «Высший синтез как счастье и веденье» (1911), где ставится вопрос о необходимости синтеза пяти областей человеческой жизни — религии, философии, науки, искусства и нравственности, письма Лосева к студентке Санкт-Петербургской консерватории Вере Знаменской (1911–1914), а также рассказы «Мне было 19 лет», «Театрал», «Жизнь», герои которых — молодые люди, ищущие смысла жизни, обретающие его или нет. В статьях А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи и Г.В. Зверева проводится мысль о значимости сформированного в юности духовного фундамента и о том, как выработавшиеся в юные годы идеи реализовывались мыслителем в дальнейшем. Книга снабжена именованным указателем и реальным комментарием А.А. Тахо-Годи, имеются иллюстрации. — Т.-Г.

Музыка как предмет логики (1927) I. — 13

Работа, посвященная музыкальной эстетике, входит в состав первого лосевского «восьмикнижия». В «Предисловии» книги, датированном 25 ноября 1926 года, автор указывает, что книга образована из четырех относительно-

но самостоятельных очерков, писавшихся в 1920–1925 годах. В первом очерке, «Феноменология абсолютной, или чистой, музыки с точки зрения абстрактно-логического знания», автор выявляет специфику чисто музыкального бытия. Методология, взятая при этом исследователем на вооружение, – феноменологическое узрение предмета, доверие очевидному, вместе с тщательной формулировкой системы «музыкальных основоположений» (носящих диалектический характер) в противовес закону основания и закону противоречия, имеющих значение для формально-логического мышления. Как иллюстрацию к специфике музыкального бытия, выявленной в таком построении, автор вводит в текст новеллу «Музыкальный миф» – якобы перевод, «сделанный из одного малоизвестного немецкого писателя». Далее в очерке «Музыка и математика» автор сопоставляет музыку и математику, точнее, музыкальный предмет и предмет математический, что позволяет еще глубже продвинуться в понимании музыкального бытия. С этой же целью вводится представление о присущей музыке «гилетической» логике как «иного» (меона) по отношению к логике «эйдетической», присущей математике, и уточняется – в категориях неоплатонической диалектики – представление о числе как общем и для музыки, и для математики. Дальнейшие логические аспекты музыкального предмета разворачиваются автором в очерке «Логика музыкальной формы». Отправляясь от безусловно принимаемого тезиса о том, что музыка есть искусство времени, Лосев обращается собственно к проблеме времени и приходит к необходимости представлять его как некоторое воплощение числа, а музыку – как жизнь чисел. Выводится феноменолого-диалектическая формула числа (в категориях «единичности», «подвижного покоя», «самотождественного различия»), которая далее применяется для логического представления времени (как алогического становления числа) и музыкальной формы – в общем виде, через описание многочисленных музыкальных категорий (ритм, метр, мелодия, гармония, тон, темп, тембр, каденция и др.). Очерк «Логическая структура двух основных законов музыкальной формы» посвящен анализу известного в искусстве закона «золотого деления», для чего используются введенные в предыдущем очерке логические конструкции и применительно к музыке рассматривается диалектика части и целого. Заканчивается очерк обращением к исследованию «метро-тектонизма» музыкальных произведений в трудах Г.Э. Конюса. В них автор обнаруживает полное подтверждение основного тезиса своего труда об универсальности и красоте числового строения музыкальной формы. Раздел «Примечаний» книги содержит развернутые отсылки к работам предшественников: Г. Мерсмана (феноменология музыки), Э. Кассирера (миф, природа времени), А. Эйнштейна (относительность пространства и времени), Г.В.Ф. Гегеля (число и мера), марбургских неокантианцев (философия числа), С.Л. Франка (автор находит у него «одну из лучших современных концепций числа»), Ф. Шеллинга (дефиниции звука, мелодии, ритма). Помещен также авторский перевод отдельных глав трактата Плотина «О числах», намечаются дальнейшие ходы в исследовании синтетического феномена «цветности» звука. – Т.

Очерки античного символизма и мифологии (1930) I. — 19

Работа входит в состав первого лосевского «восьмикнижия». Книга состоит из короткого «Предисловия» (авторская датировка — 5 апреля 1928 года), шести частей основного текста, построенных как относительно независимые и самостоятельные исследования, и «Приложения», в котором помещены указатели текстов Платона с терминами «эйдос» и «идея», в том числе с группировкой их по отдельным значениям данных терминов, выделенных автором. В целом Лосевым ставится задача непредвзятого рассмотрения античности как «единого культурного типа» и в этом свете особенно — античности платонизма. В первой части, названной «Происхождение античного символизма», автор пересматривает основные концепции античности, известные из истории Нового времени от И. Винкельмана до О. Шпенглера, и резюмирует их положительные достижения в понимании основы античной культуры как интуиции скульптурной, интуиции идеально-божественного тела. Вторая часть книги посвящена обследованию символически-мифологических черт досократовской философии о началах и стихиях у Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена и Диогена Аполлонийского. Следующие две части «Очерков» отведены разбору учения Платона об идеях, причем поначалу, осуществив полный просмотр всех платоновских диалогов, автор фиксирует многочисленные смысловые оттенки терминов «эйдос» и «идея» и, даже объединяя их в четыре обширные группы значений, все-таки констатирует, что платоническая терминология находится в весьма несовершенном и даже эмбриональном состоянии. Далее предпринимается детальная и одновременно массивная (соответствующая часть заняла почти половину объема «Очерков») попытка реконструкции платоновского учения об идеях в порядке нарастающей сложности его содержательных ступеней, тем самым в полной мере строится «теория диалектического восхождения». Таких ступеней автор выделяет у Платона пять: наивно-реалистическая (непосредственно ощущаемая действительность), описательно-феноменологическая (эйдос как целость), трансцендентальная (символ как принцип), диалектическая (миф как действительность), аритмологическая (мифическое число как действительность). Дается резюме учения об идее, или «Платон в одной фразе». Переходя от логического анализа к типологии, автор делает выводы об иерархичной природе платоновской диалектики и специфике античного символизма (миф «непорождающего фаллоса»). Завершается данная часть «Очерков» обзором современных подходов к пониманию платонизма от Гегеля до Наторпа и о. П. Флоренского, изложением особенностей собственного пути в занятиях Платоном и постановкой новых общих задач типологических исследований. Пятая часть книги, «О мифически-трагическом мировоззрении Аристотеля», отведена подробному анализу античного трагического мифа (выявляется шесть основных моментов или этапов его), для чего исследователь не ограничивается только описательно-технической точкой зрения «Поэтики» Аристотеля, но и пересматривает все основные проблемы аристотелизма. Наконец, в шестой части «Очерков» основным предметом рассмотрения становится социальная природа платонизма. Автор проводит здесь культурно-типологические сбли-

жения, сопоставления и столкновения античного платонизма с различными историческими явлениями — византийским христианством, латинством, европейским либерализмом, «возрожденским» протестантизмом. Находится место для авторских суждений о богословской проблеме Filioque и Афонском споре о почитании Имени Божия. Завершая книгу, Лосев выступает против «либерально-гуманистического обезличения» Платона и призывает улавливать «самый стиль, античный стиль платонизма» — ради чего, собственно, и были проделаны указанные сравнения. — Т.

Очерки античного символизма и мифологии (1993) I. — 431

Книга — второй том из лосевского собрания сочинений, выпущенного издательством «Мысль». Представляет собой переиздание работы 1930 года, с исправлением замеченных опечаток и немногочисленными редакторскими правками. Осуществлено, в частности, приближение пунктуации к современным нормам, унифицированы способы выделения текста, введена нумерация сносок со снятием буквенных индексов. Том снабжен послесловием Л.А. Готтшивили «Платонизм в зеркале XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх», примечаниями текстологического характера вместе с переводами иноязычных текстов, указателем имен. — Т.

Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии (1953) I. — 24

Данная работа, вышедшая в свет после длительного вынужденного молчания, открыла собой новый период публикации его трудов. В «Предисловии» Лосев определяет основную цель своего исследования как разрушение мифа о неподвижности античного мифа. Автор дает цельную картину античной мифологии на базе социально-исторического развития античного мира. Работа возникла из лекций автора по античной литературе и античной мифологии, читаемых им в вузах в течение многих лет. Ссылки на античных авторов большей частью даются в переводах, многие из которых впервые сделаны самим Лосевым. Ни один античный текст, встреченный автором в том или ином исследовании, не брался им на веру, но всегда проверялся и сравнивался с его контекстом. Работа является не только исследованием, но и сводкой разнообразных теорий современной мифологической науки. Определив основные ступени развития античной мифологии, Лосев дает детальный анализ этого развития от хтонических Муз до специфика Гомеровской мифологии. В «Заключении» приводятся географические данные о горе Олимп, приводятся сведения о мифологии гор в Греции и, в частности, мифологии горы Олимп. — К.

Платон. Аристотель (1993) I. — 433

Книга, написанная в соавторстве с А.А. Тахо-Годи, состоит из двух основных разделов «Платон» и «Аристотель», которые соответствуют двум ранее вышедшим в виде отдельных изданий работам «Платон. Жизнеописание» и «Аристотель. Жизнь и смысл». Для настоящего издания они подготовлены А.А. Тахо-Годи с небольшими редакционными изменениями. Книгу дополняют следующие небольшие материалы: основные даты жизни Платона; основные даты жизни Аристотеля; родословные Платона и Крития, а также Аристотеля и его ближайших учеников; построенная на извлечениях из второго тома

«Истории античной эстетики» характеристика учителя Платона – Сократа, феномен которого, по оценке Лосева, есть, «может быть, самая волнующая, самая беспокойная проблема во всей истории античной философии». – *Т.*

Платон. Жизнеописание (1977) I. – 167

Книга, написанная в соавторстве с А.А. Тахо-Годи, включает четырнадцать глав. Здесь рассмотрены мифологические и исторические составляющие биографии Платона и влияние на него личности Сократа. Описываются последовавшие за смертью Сократа самостоятельные путешествия Платона. Специальное внимание уделяется поездкам Платона на Сицилию и его планам построения идеального государства, которое характеризуется признанием философии единственным источником, регулирующим государственные законы и жизнь частного человека. Исследователи указывают на многолетние старания Платона исправить и улучшить сиракузскую тиранию, окончившиеся полным разочарованием философа и поисками утешения в идеальном образе царской власти с ее старинными патриархальными традициями. Платоновская Академия рассматривается как уникальное явление, именно здесь впервые в античности были выработаны и приведены в систему методы преподавания, а также с успехом объединены разнообразные науки. В качестве отличительной черты платоновской философии выделяется сочетание в ней истиной поэзии с глубиной и сложностью философской мысли. При этом философия Платона резюмируется в пяти основных пунктах. Формулируются особенности диалогов Платона в художественном плане: демонстрируется развитие художественной формы диалогов от драмы мысли к отрицанию этой формы и упразднению главного искателя истины и виновника страстных споров – Сократа. В качестве основных традиций, заложенных философией Платона и оказавших воздействие на мировую философскую мысль, выделяются такие, как «проповедь самоотверженного служения идее» и «приверженность конструктивно-логическим принципам мышления». – *III.*

Проблема символа и реалистическое искусство (1976) I. – 157

Книга состоит из «Введения», восьми глав, «Приложения» и «Библиографии». Во «Введении» дается предварительное определение понятия «символ». В главе первой автор формулирует необходимые условия для того, чтобы знак превратился в символ. Во второй главе рассматриваются все негативные теории знака, делается предварительный положительный вывод из суммы указанных теорий, вводится начальная аксиоматика теории знака и символа. Предметом главы третьей является сравнение символа с соседними с ним структурно-семантическими категориями, – аллегория, схематическое олицетворение, тип, художественный образ, эмблема и миф. В главе четвертой исследуются типы символов. В пятой главе ведется рассуждение о диалектике символа и поясняется познавательное значение символа. В шестой главе развивается и углубляется представление о познавательной направленности символа, приводится ряд примеров многомерности всякого «живого символа». Глава седьмая посвящена демонстрации социально-исторической обусловленности символа, его фактической смешанности с другими литературно-художественными категориями на примере мирового образа Прометея, про-

ходящего через всю историю литературы. В главе восьмой подводятся итоги предложенного в предыдущих главах анализа символа как литературоведческой и искусствоведческой категории, указывается на возможность и необходимость других дополнительных способов анализа символа, при несомненных достоинствах имеющегося. В «Приложении» автор особо выделяет и характеризует огромное значение символа в советской действительности. В библиографическом разделе приводится обширный список литературы, как отечественной, так и зарубежной, где рассматриваются: определение понятия символа, разграничение символа с другими соседними понятиями и история понятия символа, понятие символа в искусстве и русский символизм, а также указываются словари и энциклопедии, периодические и непериодические издания, которые так или иначе касаются проблемы символа. Кроме того, здесь приведены библиография исследований по Прометею и библиографические указатели. — Ш.

Проблема художественного стиля (1994) I. — 495.

Книга состоит из двух основных частей: «Некоторые вопросы из истории учения о стиле» и «Теория художественного стиля». В первой части дается обзор различных концепций стиля: доромантических (Бюффон, Винкельман, Гёте, Шиллер), романтических (в том числе Кант и Шеллинг), позитивистских (Спенсер, Тэн, Золя и др.), модернистских (Вальцель, Вяч. Иванов и др.). В отдельные разделы выделен обзор систем Гегеля и Фишера, а также теории стиля советского периода (группировка литературоведов Опояз, Сакулин). Вторая часть начинается с ряда апофатических определений стиля: стиль трактуется как не содержание, не форма, не их синтез, не прием, не структура и т.д. Важнейшими сторонами художественного стиля называются стороны доструктурная, структурная, эстетическая и идеологическая. Стиль понимается как принцип конструирования художественного произведения на основе жизненных ориентировок художника. Эти жизненные ориентировки и прочие надструктурные и дохудожественные заданности стиля автор определяет как его первичные модели. Предлагаются классификации первичных моделей по различным основаниям: онтологическая, жанровая, историческая и др. Рассматриваются некоторые современные классификации стилей (Э. Эльстер, Э. Утиц, Э. Кассирер, А. Морье и др.). В «Послесловии» А.А. Тахо-Годи рассказывает об истории создания книги. — Э.

«Радость на веки»: Переписка лагерных времен (2005) I. — 810

Сборник включает три раздела. В первый раздел — «Ведь не бывает же тяжесть не по силам...» — вошли письма 1931–1933 годов Лосева и его супруги В.М. Лосевой, писавшиеся после ареста из лагеря в лагерь, а также письма родителей В.М. Лосевой — Т.Е. и М.В. Соколовых, друзей, поддерживавших общение с В.М. Лосевой несмотря на ее арест. Письма Лосева и его супруги публиковались выборочно в различных периодических изданиях начиная с 1989 года. В настоящем издании представлены все сохранившиеся письма. Ряд писем напечатан впервые. Тексты всех писем сверены заново и исправлены по оригиналам. В лагерных письмах рассказывается о пережитом после ареста нравственном кризисе, о тяготах тюремного и лагерного быта, о борьбе

за сохранение собственной духовной личности среди всех жизненных ужасов. Во второй раздел – «Жизнь без конца» – включен ряд стихотворений Лосева второй половины 1930-х – начала 1940-х годов и три стихотворения В.М. Лосевой 1940-х – начала 1950-х (более полно подборка стихов В.М. Лосевой дана в комментариях ко второму тому сборника *«Я сослан в XX век...»*). Вошедшая в третий раздел – «Тюрьма и лагерь» – выборка из воспоминаний бывших гулаговских узников (И.Л. Солоневич, Г.Н. фон Мекк, З.Д. Марченко, Н.П. Андиферова, Ю.Н. Данзас), а также из книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства 1931–1934 гг.» (1934) имеет целью дать общую панораму реалий ГУЛАГа начала 1930-х годов. Книга снабжена комментариями, подготовленными А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицким, именным указателем, уникальным иллюстративным материалом – фотографиями южного участка строительства Беломорканала, сделанными в 1932 году и предоставленными из частного собрания. – Т.-Г.

Самое самó (1999) I. – 669.

В том вошли избранные труды Лосева 1920–1930-х годов, достаточно полно представляющие размах творческих исканий философа: тонко-виртуозная и несколько эзотеричная *«Философия имени»* послужит источником вдохновения для тех, кого волнуют проблемы языка; кристально ясная монументальная работа *«Самое самó»* приглашает коснуться первооснов процесса мышления; *«Музыка как предмет логики»* являет эффективность лосевских логических методов при анализе сложных музыкальных феноменов; в *«Диалектике числа у Плотина»* рельефно выступает мастерство автора как классического филолога и тонкого знатока греческой философской мысли; знаменитая *«Диалектика мифа»* рисует основные принципы цельного мировоззрения и учит отгаде подлинно свободной мысли. Книгу открывает предисловие А.А. Тахо-Годи «А.Ф. Лосев. Целостность жизни и творчества», в комментариях к книге помещено исследование В.П. Троицкого «Из истории “Диалектики мифа” А.Ф. Лосева». – Т.

Страсть к диалектике. Литературные размышления философа (1990) I. – 368.

Книга представляет собой сборник работ, размышлений и писем Лосева. Сборник открывает статья В.В. Ерофеева «Последний классический мыслитель», где писатель рассуждает о месте Лосева в истории советской России и «земной несправедливости» по отношению к русскому философу. В части, озаглавленной «В поисках смысла» и составленной В.В. Ерофеевым из бесед и воспоминаний философа, Лосев на фоне своей биографии рассуждает о мировой и отечественной истории, философии и литературе. Раскрываются природа и способы мышления, взаимосвязь мышления и действия; ставятся проблемы действительности как становления, а также мышления как создания принципов конструирования; рассматриваются такие понятия, как «структура», «жизнь», «человек», «личность», «общество», «символ», «философия», «диалектика». Далее помещена ранняя работа Лосева «Русская философия» (писавшаяся в 1918 и опубликованная в 1919 году), которая посвящена рассмотрению картины философских течений и направлений в русской философии. Здесь отмечается наиболее характерная ее черта – столкнове-

ние между *ratio* и логосом и в этой связи выделяется главное в философских построениях Г.С. Сковороды, И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, Вл.С. Соловьёва, С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева, С.А. Алексеева (Аскольдова) и А.И. Введенского, И.И. Лапшина и Г.И. Челпанова. В сборник включены отрывки из книги Лосева о Вл.Соловьёве — глава о Соловьёвском жизненном пути и глава о понимании Соловьёвым Софии. Учение о Софии рассматривается Лосевым как квинтэссенция учения Соловьёва о всеединстве, является стержневым для понимания его философского пути. Работа о мировоззрении Скрябина завершает книгу. Автор показывает мистериальный характер скрябинской философии индивидуализма. В «Приложении» приводится небольшая часть переписки начала 1930-х годов, которую вели между собой супруги Лосевы — в эти годы узники исправительно-трудовых лагерей. — III.

Философия имени (1927) I. — 14

Работа входит в состав первого лосевского «восьмикнижия». Книга составлена из довольно обширного «Предисловия» (авторская датировка — 31 декабря 1926 года) и тридцати трех глав, объединенных в четыре раздела. Автор начинает с изложения ряда обстоятельств создания книги (она завершена еще летом 1923 года), дает краткую характеристику развития теории языка в России и обрисовывает главные черты своего метода философствования. Это — диалектика, которую философ трактует как единственно возможный реализм. Далее исследователь приступает к детальному анализу главного продукта мысли — слова, или имени. Первый раздел исследования, «До-предметная структура имени», посвящен последовательному описанию многочисленных моментов имени, выявляемых в его структуре при восхождении от «звуковой оболочки», фонемы до энергии предметной сущности имени (всего указано тридцать таких моментов). Во втором разделе, «Предметная структура имени», именуемая предметная сущность представлена новыми моментами (их число доведено до шестидесяти семи) вплоть до эйдетики-сущностного логоса имени. Здесь выделяются четыре необходимых образа или лика наименованной сущности — схема, или множество, топос, эйдос и символ, дается также сравнительная характеристика логоса и эйдоса. В следующем разделе все дедуцированные выше моменты имени даются в сводке и в несколько ином порядке, демонстрируя — от абсолютной «тьмы» меона до разумного слова на вершине лестницы существ — иерархическое устройство мира как разной степени словесности или именитства. Завершая третий раздел, автор итожит, в чем же состоят достижения проделанного феноменолого-диалектического исследования имени: в результате присутствуют только строжайше оформленные категории; моменты имени не только оформлены, но и связаны в неразрушимое смысловое единство, центральным моментом которого является понятие энергии сущности; диалектически разрешается проблема «субъективности» и «объективности» в языке; проясняется и социальная природа слова, природа общения через имя; охвачены все специальные моменты имени (слова), которые обычно порознь являются достоянием тех или иных наук. Наконец, в разделе «Имя и знание» на базе проведенного анализа имени намечается учение о разделении наук, базирую-

щееся на предположении о том, что на всякий момент слова (имени) откликаются те или иные отрасли научного сознания. Ограничивая свою классификацию до-предметной сферой, автор дает описание видов знания и соответствующих им онтологий. Специально обсуждается сущность феноменологии, диалектики, эстетики, логики, математики, понимаемых в категориальной системе учения об имени. Это и не удивительно, «раз само имя есть не больше как познанная природа, или жизнь, данная в разуме», заключает автор. — Т.

Философия. Мифология. Культура (1991) I. — 390.

Книга состоит из трех больших разделов, которые предваряет статья А.А. Тахо-Годи «А.Ф. Лосев: жизнь и творчество», где на фоне краткого рассмотрения биографии философа показаны единство и цельность его творческого пути. В первый раздел входит обширный труд философа «*Диалектика мифа*». Это исследование имеет своим предметом древнейшую (и остающуюся актуальной поныне) форму освоения мира человеком и одну из самых темных областей человеческого сознания — миф. Философ стремится показать, что миф — это не выдумка или фантастический вымысел, не идеальное бытие, не научное построение, не метафизическое построение, не вид поэтической образности, не догма, но — сама жизнь. Второй раздел состоит из работ, охвативших примерно 70-летний период творческой активности философа. Открывает его статья «Эрос у Платона» (1916), посвященная изучению истории эллинского учения об Эросе до и после Платона, связь представлений об эросе у Платона с учением о Богочеловечестве Вл. Соловьёва. Вторая статья раздела посвящена рассмотрению картины философских течений и направлений в русской философии. В идущем следом предисловии к книге «*Философия имени*» Лосев дает разъяснения своего диалектического метода как способа охватить всю живую действительность в целом. Содержание статьи «Логика символа» частично перекликается с «Введением» и первой главой работы «Проблема символа и реалистическое искусство». Здесь философ рисует смысловую структуру символа, формулируя символ вещи как принцип ее конструирования, как ее порождающую модель. В статье «Исторический смысл эстетического мировоззрения Рихарда Вагнера» анализируются основания музыкального, поэтического и литературно-критического творчества Вагнера. Автор доказывает, что в качестве такой основы выступает исповедь души новоевропейского индивидуума, пришедшего к своей последней катастрофе и пророчески вещающего о будущей революции. В статье «Основной вопрос философии музыки» формулируется основной предмет музыкального изображения (чистое становление жизни) и выделяются его специфические черты. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба являются предметом одноименной статьи. В статье «Слово о грузинском неоплатонизме» Лосев проводит различие между восточным и западным неоплатонизмом, которое коренится в специфическом понимании представителями грузинского Возрождения роли природы в своих антропоцентристских философских построениях. В следующей статье рассматриваются концепции основных представителей европейского номинализма XIV века (Дуранд, Авреолий, Оккам, Буридан). В статье «Античная философия и общественно-

родовые формации» выделяются основные черты общественно-родовой и рабовладельческой формаций в античной философии, доказывается, что пока господствовало рабовладение, никаких представлений об абсолютном духе появиться не могло. Несколько типов античного мышления выделяется в статье «Типы античного мышления», где объясняется, что вся история античной философии, взятая в целом, постоянно стремилась к той или иной диалектике мифа. Завершает раздел статья Лосева о жизни и творчестве Вл.С. Соловьёва. Третий раздел, «История философии как школа мысли», открывает статья, в которой Лосев доказывает важность изучения истории философии, без которой не может быть полноценной философской культуры, служащей базой всей духовной культуре вообще. В заключительной работе сборника автор выделяет несколько основных черт русской философии и приводит краткий обзор основных направлений русской средневековой философии. Книга снабжена указателем имен и примечаниями. — *Ш.*

Форма. Стил. Выражение (1995) I. — 555.

Книга — четвертый том лосевского собрания сочинений, выпущенного издательством «Мысль». В том включены преимущественно ранние работы, посвященные проблемам художественного творчества. Наряду с крупными трудами, изданными ранее, — *«Диалектика художественной формы»*, *«Музыка как предмет логики»*, — книга содержит и не публиковавшиеся ранее работы. Таково, например, «Введение» к «Истории эстетических учений» (завершено автором в 1934 году), т.е. к курсу истории эстетических учений, читанных Лосевым в Московской государственной консерватории и других вузах Москвы, которое представляет собой настоящий манифест, сжато выражающий взгляды и методологию Лосева. Работа «О музыкальном ощущении любви и природы» имеет подзаголовок «К тридцатипятилетию “Снегурочки” Римского-Корсакова». Лосев считает эту оперу Римского-Корсакова «величайшим созданием искусства» и предлагает отнести к нему, «как к наиболее цельному и живому мироощущению». При этом он впервые излагает свое понимание сущности музыки, которое впоследствии будет наиболее полно сформулировано в работе «Музыка как предмет логики». Работа «Два мироощущения (Из впечатлений после “Травиаты”»)» представляет собой детальный анализ двух полярных типов мироощущения, оптимизма и пессимизма, а также их проявлений в музыке. Впервые публикуемый «Очерк о музыке» ставит проблему «сущности музыкального восторга», иллюстрируемую примерами из музыкальной литературы. Лосев намечает в этой работе пути к созданию философии музыки, которая мыслится им как «дело будущего, хотя и недалекого». В работе «Философский комментарий к драмам Рихарда Вагнера» автор выдвигает и обосновывает тезис: теоретические построения Вагнера были «правильным или неправильным осознанием уже наличного творчества». Работа «Мировоззрение Скрябина» представляет собой развернутый анализ тенденций внутреннего опыта Скрябина, определивших и его музыку, и его философию. Магистерская работа Лосева-выпускника Московского университета «О мироощущении Эсхила» анализирует «одну из первых самых значительных глав истории античной поэтической души». В работе раз-

личаются понятия мироощущения и мирозерцания. Трагедия понимается Лосевым как выражение психологии страха и ужаса. Завершают сборник предназначенные для «Энциклопедии художественных наук» (проект ГАХ-На 1920-х годов) статьи «Единство» и «Игра». В конце тома помещены в качестве послесловия статьи В.В. Бычкова «Выражение невыразимого, или Иррациональное в свете ratio» и М.М. Гамаюнова «Союз музыки, философии, любви и монастыря». — К.

Хаос и структура (1997) I. — 601

Книга — шестой том лосевского собрания сочинений, выпущенного издательством «Мысль». Все произведения, вошедшие в книгу, публикуются здесь впервые и представляют читателю новый пласт творческого наследия Лосева, связанный с философией математики и логики. Основную часть тома (примерно две трети) занимает незавершенный трактат «Диалектические основы математики», предисловие к которой написано В.М. Лосевой (датировано 29 января 1936 года). Во «Введении» трактата автор излагает различные представления о числе и формулирует задачи философии числа как особого самосознания духа и, вместе с тем, как конкретно-исторического осмысления математических результатов. Далее в двух больших частях исследования Лосев строит сначала общую теорию числа (вводимые здесь дефиниции числа как понятия являются дальнейшим уточнением того учения о числе, которое автор развил в работе «*Античный космос и современная наука*» и некоторых других книгах первого «восьмикнижия») и описывает основные свойства математических объектов в арифметике, геометрии, теории множеств и теории вероятностей посредством содержательных аксиоматик (тем самым число разворачивается как суждение), а затем переходит к детализации этих свойств в рамках специальной теории числа (число разворачивается как умозаключение, доказательство и выражение). В итоге получают своеобразную логико-диалектическую интерпретацию многочисленных проблемы и достижения математики: проводится логическая дедукция натурального ряда; дается обоснование различным типологиям числового мира; трактуются иррациональность, дробность, трансцендентность, бесконечность и другие свойства чисел; развивается учение о континууме, описывается его логическая структура; дается содержательное толкование многих математических операций; исследуются общие свойства выразительных форм в математике и др.

Трактовке философских проблем логики (в связи с математикой) посвящены другие работы, включенные в данный том. Представляя самостоятельный интерес, они вместе с тем определенно восполняют утрату тех разделов «Диалектических основ математики», где должна была освещаться, например, содержательная сторона дифференциального и интегрального исчисления. В работе «О методе бесконечно-малых в логике» автор строит фактически новый отдел логики, в котором важную роль получают представления о пределе и соотношении части и целого, что позволяет проводить исчерпывающее логическое описание дифференциала, производной и интеграла, столь важных для математики и ее приложений. На некоторых конкретных примерах иллюстрируется также жизненно-логическое значение идей математи-

ческого анализа. Затронутые темы продолжает и развивает работа «Некоторые элементарные размышления к вопросу о логических основах исчисления бесконечно-малых». Особый интерес представляет вводная часть данной работы, где автор дает важную типологию стилей мышления (с целью подвести к миропониманию, признающему существование бесконечно-малых), приходя в этом пункте к социально-политическим обобщениям в «Дополнении к “Диалектике мифа”». Фрагмент «Математика и диалектика», завершающий том, содержит лаконичное изложение существа и задач диалектического метода и, тем самым, составляет некоторое методологическое введение для рассмотренных выше исследований конкретного логического и математического материала. Том снабжен указателем имен и примечаниями текстологического характера. Имеется послесловие В.П. Троицкого «Метаматематика Алексея Лосева», в котором основная работа тома «Диалектические основы математики» рассмотрена в различных контекстах — на общем фоне творчества философа, в окружении реалий времен «великого перелома» и в контексте современных исследований оснований математики. — Т.

Эллинистически-римская эстетика (2002) I. — 743

Заключительный, девятый том лосевского собрания сочинений, выпущенного издательством «Мысль» и объединившем избранные труды мыслителя. В состав тома вошли большие работы «Эллинистически-римская эстетика I—II вв. н.э.», «Плутарх. Очерк жизни и творчества», «Диоген Лаэртский — историк античной философии», а также отрывок из частично сохранившегося курса лекций «История эстетики» (1920-е гг.), послесловие, примечания и указатели. В разделе «Плутарх. Очерк жизни и творчества» изучается биография, а также мировоззрение и творчество мыслителя и указывается, что их исходным пунктом служила чувственно-материальная космология. В разделе «Диоген Лаэртский — историк античной философии» исследуется трактат, условно названный «История философии»; приводится критика Диогена Лаэртского авторами, начиная с Нового времени и заканчивая XX веком, и отмечается, что, несмотря на справедливость этой критики, необходимо выработать новый целостный подход к изучению античного автора, чему и посвящена третья часть данного раздела. В ней особо подчеркивается, что, несмотря на то, что биографический метод Диогена Лаэртского можно назвать беллетристическим, это не мешает античному историку описывать разные предметы и явления в полном соответствии историческим реальностям. Фрагмент текста «История эстетики» рассматривает содержание эстетики неоплатонизма, где отмечается, что красота выступает у неоплатоников софийно-умной стихией. Завершает том статья А.А. Тахо-Годи, посвященная истории создания «Эллинистически-римской эстетики». Книга включает полный список печатных трудов А.Ф. Лосева за период с 1916 по 2002 годы, снабженный алфавитным указателем. — Ш.

Эллинистически-римская эстетика I—II вв. н.э. (1979) I. — 191

Книга состоит из четырех основных частей и «Приложения». Часть первая — «Эстетика Рима. Ее роль в истории античной эстетики», рассматривает вопросы римского эстетического опыта. Особо отмечается, что существо

римской эстетики заключается в инстинкте онтологического универсализма, возникающего в сфере пластически понимаемого бытия. Отдельно изучаются реальные образы римского чувства жизни и красоты в различных областях духовной жизни: в языке, в религии и в искусстве. Социально-историческая сторона римской эстетики показана на примерах из общественно-политической жизни: с помощью ярких образов цирка и амфитеатра; раскрытия эстетической сущности римского триумфа; выявления такого содержательного образа римского эстетического сознания, как Вековых игр, — символа духовного самосознания, того, что римлянин считал красотой и чувствовал как подлинно прекрасное; с помощью идеи императора как абсолютизации абстрактной государственности и юридически понимаемого социального бытия. Автор показывает драматический и трагический характер римского чувства истории, указывает, что в глубине духа собственная социально-политическая действительность казалась Риму результатом повторяемого круговращения небесных сфер, определяющих неповторимую личную судьбу человеческой души и души народов. Выделяется социально-экономический смысл римской эстетики, демонстрируется неоднородность республиканского и императорского Рима. Исследуются максимально характерные для римской эстетики фигуры Цицерона (как наивысшего образца благородной и уравновешенной социально-исторической эстетики Рима) и Вергилия (воспринявшего социально-историческую эстетику Рима в бурных, часто даже безумных, титанических и кроваво-напряженных тонах). Часть вторая, «Отдельные представители эллинистически-римской эстетики I-II вв. н.э.», знакомит читателя с фигурами Плутарха Херонейского (его трактаты характерны сочетанием научных данных, традиционного вымысла и чистой фантазии, что позволяет говорить о символической мифологии, которая представляет собой «парафилософскую теологию», находящуюся на полпути от школьной философии к религиозному откровению), Диона Хризостома (воспринимавшего классическую калокагию в сократическо-киническом аспекте) и Лукиана (картина творчества которого отличается колоссальным чувством социального зла и неспособностью бороться с этим злом, неопределенностью, граничащей с эстетическим и психологическим разложением). Часть третья, «Риторы и коллекционеры. Атений», касается ряда авторов, не претендующих на окончательный универсализм, а реализовавших отдельные проявления римского духа. Рассматриваются два наиболее крупных писателя того времени — Элий Аристид (который стремился к теоретизированию риторического искусства) и Максим Тирский (этот, не имея собственных философских взглядов, пытался риторически расцветивать платонические поиски универсальной картины мира). Изучены также своеобразные предшественники универсальной концепции мифологии у неоплатоников, а именно, коллекционеры Аполлодор (чье сочинение представляло собой систематический свод и энциклопедию древней греческой мифологии), Клавдий Элиан (автор сочинений «О природе животных» и «Пестрых рассказов», где как раз коллекционерство выступает главным) и Атений (под именем которого до нас дошло огромное произведение III в. н.э. «Софисты за обеденным столом»). Четвертая часть — «Позд-

ние стоики». Общей характеристикой стоиков автор считает выдвигание на передний план морализма, чувство чрезвычайной слабости человеческой личности, интимные религиозные переживания и полное пренебрежение проблемами логики. В этом ключе рассматриваются такие фигуры, как Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий. В «Приложении» приводятся некоторые характерные тексты, ставшие основой, на которой развивалась эллинистическо-римская эстетика I – II вв. н.э. – III.

Эстетика Возрождения (1978) I. – 177

Во «Введении» рассматриваются различные концепции Ренессанса, оспаривается резкое противопоставление Средневековья и Возрождения, выявляются ренессансные проявления в неевропейских культурах. Давая общую характеристику эстетики Возрождения, автор постулирует недостаточность большинства распространенных описаний и невозможность ее сведения к какой-либо одной формуле. В основе эстетики Возрождения – примат чувственной красоты и восхищение человеческим телом как таковым. Анализируются сходства и различия между антично-средневековым и ренессансным подходами к прекрасному. Показаны элементы самокритики в творчестве художников Возрождения и внутренняя противоречивость ренессансной эстетики. Рассматривается значение платонизма и неоплатонизма для гуманистических теорий эпохи Возрождения. Описываются проявления ренессансного индивидуализма в различных формах быта, акцентируется внимание на бытовом аморализме, понимаемом как оборотная сторона титанизма. Исследуются философско-эстетические основы проторенессансной культуры (Фома Аквинский, Бонавентура, другие схоласты) и их реализация в литературе и искусстве (Данте, Джотто), а также революция в умах, произведенная художниками и мыслителями XIV века (Петрарка, Боккаччо), подготовившими Ренессанс. Дается общая характеристика раннего Возрождения, прослеживается судьба термина «идея» в текстах эпохи. Особое место уделено учению о перспективе. Рассматриваются эстетическая система Леона Баттисты Альберти и его концепция гармонии. В разделе, посвященном философско-эстетической основе Высокого Возрождения, исследуется система Николая Кузанского, дается очерк эстетических воззрений представителей флорентийской Платоновской академии, в первую очередь Марсилио Фичино. Подробно разбирается эстетика Пико дела Мирандола, Лоренцо Валла, Пьетро Помпонацци. Ставится вопрос о соотношении платонических и гуманистических элементов в эстетике итальянского Ренессанса. Дается очерк Северного Возрождения (Лютер, Эразм Роттердамский и др.). В разделе, посвященном художественной основе Высокого Возрождения, указывается, что излюбленным приемом ренессансных мастеров было бытовое решение библейского сюжета, в чем автор видит яркое проявление общеренессансной тенденции к интимизации и опрошению всего возвышенного. Даны очерки творчества Боттичелли, Леонардо да Винчи (предпринята попытка реконструкции его эстетической системы), Микеланджело (чье творчество автор рассматривает как предел аморального трагизма Возрождения). В разделе о позднем Возрождении значительное место уделено маньеризму как симптому разложения ренессансной эстетики.

Разбираются философско-эстетические системы Джордано Бруно, Томмазо Кампанеллы и др. Значительное место уделено анализу философии Фрэнсиса Бэкона и его символической эстетики. В разделе о Северном Возрождении внимание автора привлекает готическая эстетика и ее различные интерпретации, а также творчество Дюрера. Преодоление антропоцентризма Возрождения автор видит в том значении, какое у северных художников получает пейзаж. Прослеживается разложение ренессансной эстетики во внехудожественных областях культуры XV–XVI веков: в науке (Коперник), религии (протестантизм), общественно-политической жизни (Макиавелли, утописты, Савонарола), а также в литературе, прежде всего французской (Вийон, Рабле, Монтень). Наконец, анализируется гибель ренессансного мировоззрения у Сервантеса и Шекспира. В «Заключении» подводятся общий итог эстетики Возрождения. — Э.

Эстетика Возрождения (1998) I. — 626

Книга — седьмой том лосевского собрания сочинений, выпущенного издательством «Мысль». Вместе с «*Эстетикой Возрождения*» здесь помещена работа «Исторический смысл эстетики Возрождения», являющаяся своеобразным конспектом «Эстетики». В этой работе автор характеризует общий принцип культуры Ренессанса как «неоплатонический гуманизм» и отмечает исторически-наивное преклонение «перед мощью индивидуально изолированного человека». Том снабжен указателем имен. — Т.

Эстетика природы. Природа и ее стилевые функции у Р. Роллана (1998) I. — 627

Книга открывается предисловием, написанным М.А. Тахо-Годи и рассказывающим о возникновении этого замысла и совместной работе над ним. Во «Введении» основная задача исследования формулируется как выявление стилевых функций природы в романе «Жан-Кристоф». Анализу текстов Роллана предшествует попытка определения понятия «художественный стиль» и обзор мнений французских критиков о стиле Роллана. Характеризуются стилевые функции пейзажа в творчестве Роллана в контексте французской прозы его времени и предшествующего периода. Выявляются музыкальное, этическое, символическое значение пейзажа, а также роль и удельный вес отдельных природных элементов (вода, огонь, воздух, земля, космос) в произведениях Роллана. Модель природы у Роллана прочитывается на фоне античной, романтической, модернистской моделей, систем Спинозы и Руссо. Выявляется специфика роллановского подхода относительно всех названных моделей. — Э.

Эстетика природы. Природа и ее стилевые функции у Р. Роллана (2006) I. — 841

Книга — более тщательно подготовленное издание монографии, написанной в соавторстве с М.А. Тахо-Годи. В «Предисловии» М.А. Тахо-Годи рассказывает о возникновении этого замысла и совместной работе над ним. В «Приложении» помещены работа М.А. Тахо-Годи «Искусство и зарубежный роман», подборка материалов «Р. Роллан в зеркале русского Серебряного века» (статьи и рецензии Ф. Степуна, З. Венгеровой, Ю. Айхенвальда, В. Брюсова, Вяч. Иванова, Н. Пунина, М. Алданова, О. Мандельштама), письма мадам Мари Ромен Роллан к М.А. Тахо-Годи и библиография работ М.А. Тахо-Годи. — Э.

Языковая структура (1983) I. – 230

Книга посвящена проблемам общего языкознания и, прежде всего, обоснованию того, что языковая структура является семантической, а не математической; смысловой, а не слепо-фактической; выразительной, а не самостоятельно-предметной. Том состоит из двенадцати разделов. В первом разделе делается вывод о том, что математическое обозначение языкового факта выделяет в нем такую степень его общности, в которой теряется конкретность и специфика обозначаемого факта. Границы применения математики в лингвистике, опасность игнорирования данных традиционного языкознания для внесмысловой математической лингвистики, язык как живое практическое мышление — вот основные темы второго раздела. Преимущества и недостатки методов структурной типологии освещаются в разделе третьем. В четвертом разделе Лосев ставит своей целью дать ясную и простую формулу, выражающую отношения лингвистического и языкового знаков; указывается научная роль математики и лингвистики; проводится основное отличие языкового знака от математического; указывается на однородность, неподвижность и неизменность математической единицы в отличие от языка; отмечается многоплановость языковых элементов в отличие от математических обозначений; приводится ряд примеров опровержения отвлеченного механицизма в советской лингвистике. В разделе пятом говорится о невозможности построения асемантического структурализма без нарушения правил логики и здравого смысла. Вывод о том, что семема и ее структура представляют собой единство и борьбу противоположностей и ни в чем друг друга не перевешивают, делается в шестом разделе. Ряд доводов в пользу возможности сближения классической и структуральной лингвистики приведены в разделе седьмом. Восьмой раздел проясняет одну из наиболее специфичных особенностей языкового знака — валентность; с помощью этого понятия здесь делается вывод о том, что язык есть непосредственная действительность мысли, а не просто сама мысль. В разделе девятом предпринимается попытка на конкретном и живом материале языка положительно решить вопрос о его структурах. Выработке правильного понимания грамматических категорий, при котором последние становятся принципами бесконечно разнообразных значений в зависимости от живого контекста речи, посвящен десятый раздел. В одиннадцатом разделе автор ставит своей задачей преодолеть несоответствия традиционного изложения греческого синтаксиса и его научного исследования. Исследование законов сложного предложения в латинском языке дано в двенадцатом разделе. — III.

«Я сослан в XX век...» (2002) I. — 744

Духотомник впервые вводит в научный оборот полный корпус лосевского прозаического и поэтического наследия, писавшегося философом «в стол», без надежды на опубликование. В первый том вошли все дошедшие до нас повести и рассказы Лосева, создававшиеся в 1930–1940-х годах. Все они нацелены на «последние» вопросы бытия и нравственное их разрешение. Лосевские герои всегда стоят перед экзистенциальным выбором: жизнь или смерть, свобода или судьба, любовь или ненависть, обыденщина или высокое искусство, поэзия духа. Тематически рассказы и повести Лосева можно разделить на два цик-

ла: в первом поднимается вопрос о переустройстве внешнего мира («Театрал», «Переписка в комнате», «Из разговоров на Беломорстрое»), во втором — о попытках вмешаться в мир человеческих чувств, переустроить саму душу человека («Мне было 19 лет», «Трио Чайковского», «Завещание о любви», «Седьмая симфония», «Метеор», «Встреча», «Вранье сильнее смерти», «Епишка»). Обе установки на перестройку мира внутреннего и внешнего и методы, которыми они осуществляются, неприемлемы для религиозного сознания автора, представляются ему утопическими и катастрофическими по своим последствиям. Второй том включает в себя философско-музыкальный роман «Женщина-мыслитель» (1933), толчком к созданию которого стала встреча Лосева со знаменитой пианисткой М.В. Юдиной, послужившей одним из прототипов лосевской героини — пианистки Радиной, не сумевшей адекватно реализовать высокую идею великой женщины-мыслителя. В том включены двадцать стихотворений 1942—1943 годов, навеянных чтением стихов Вяч. Иванова, воспоминаниями о совершенном летом 1936 года путешествии на Кавказ и реалиями жизни в дачном поселке Кратово после уничтожения дома на Воздвиженке, поздние прозаические опыты 1970—1980-х годов — рассказы-диалоги «Невесомость», «Беседы с Чаликовым». Также во второй том входит большой эпистолярный массив: юношеские письма к ученице новочеркасской женской гимназии О.В. Позднеевой (1909—1911), дальней родственницы писателя М.А. Булгакова, и студентке Санкт-Петербургской консерватории Вере Знаменской (1911—1914), письму к певице А.В. Неждановой (1916), посланное вместе с посвященной ей статьей «Два мироощущения», письма из провинции — из Куйбышева, Чебоксар, Полтавы конца 1930-х годов, где Лосев, лишенный возможности преподавать в столичных вузах, читал курсы лекций. Сюда же вошли юношеские дневники 1911—1913, 1914—1915 и отдельные дневниковые записи 1918—1919 годов, дающие представление о духовной жизни будущего философа в годы учебы в Новочеркасской классической гимназии и Московском университете, продиктованные в 1981 году воспоминания о семье и о детстве в Новочеркасске и отрывки из бесед с секретарем философа В.В. Библихиным (1971—1980). Все тексты сверены по оригиналам или по первым публикациям. Издание снабжено вводной статьей Е.А. Тахо-Годи, подробными комментариями составителей, именным указателем, иллюстративными материалами, в том числе фотографиями из частного собрания семьи Позднеевых. — Т.-Г.